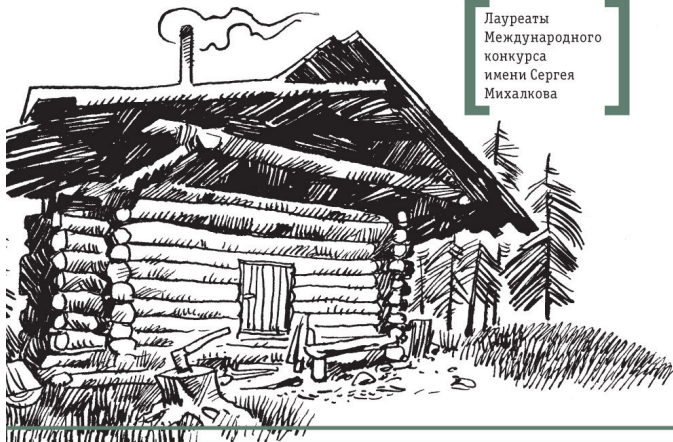

Лауреаты
Международного
конкурса
имени Сергея
Михалкова

Сергей Шаманов
**Зимовьё
на Гилюе**

Сергей Артурович Шаманов

Зимовьё на Гилюе

**Серия «Лауреаты Международного
конкурса имени Сергея Михалкова»**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68498689

Зимовьё на Гилюе:

ISBN 978-5-08-006754-9

Аннотация

Обрывистые, покрытые таёжными лиственничными лесами берега дальневосточной реки Гилюй, берущей начало на южных склонах Станового хребта, с давних времён были известны своими золотыми россыпями. Немало вольных старателей ещё в начале прошлого века нелегально мыли золотоносные пески по её притокам. И тайга до наших дней хранит немые свидетельства их нелёгкого существования. Заброшенное жилище золотоискателей однажды находят и герои повести – ребята, живущие в столице БАМа далёкой Тынде.

Сергей и его друзья благам и комфорту современной цивилизации предпочитают жизнь в единении с окружающей природой, вызывая этим непонимание и осуждение со стороны родителей и сверстников. Мальчишки строят в суровой, но такой для них близкой и понятной тайге зимовьё, где проводят всё своё свободное время, рыбачат и охотятся. На берегах своенравной

таёжной реки их ждут приключения и испытания, которые они достойно преодолеют и благодаря этому найдут в себе силы отстоять свой выбор жизненного пути.

Для среднего и старшего школьного возраста.

Содержание

О конкурсе	8
Глава I	12
Глава II	19
Глава III	31
Глава IV	40
Глава V	50
Глава VI	61
Глава VII	73
Глава VIII	84
Глава IX	97
Глава X	108
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Сергей Шаманов
Зимовьё на Гилюе

© Шаманов С. А., 2022

© Рыбаков А., оформление серии, 2011

© Акишин А. Е., иллюстрации, 2022

© Макет. АО «Издательство «Детская литература», 2022

О конкурсе

Первый Конкурс Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков был объявлен в ноябре 2007 года по инициативе Российского Фонда Культуры и Совета по детской книге России. Тогда Конкурс задумывался как разовый проект, как подарок, приуроченный к 95-летию Сергея Михалкова и 40-летию возглавляемой им Российской национальной секции в Международном совете по детской книге. В качестве девиза была выбрана фраза классика: «Просто поговорим о жизни. Я расскажу тебе, что это такое». Сам Михалков стал почётным председателем жюри Конкурса, а возглавила работу жюри известная детская писательница Ирина Токмакова.

В августе 2009 года С. В. Михалков ушёл из жизни. В память о нём было решено проводить конкурсы регулярно, что происходит до настоящего времени. Каждые два года жюри рассматривает от 300 до 600 рукописей. В 2009 году, на втором Конкурсе, был выбран и постоянный девиз. Им стало выражение Сергея Михалкова: «Сегодня – дети, завтра – народ».

В 2020 году подведены итоги уже седьмого Конкурса.

Отправить свою рукопись на Конкурс может любой совершеннолетний автор, пишущий для подростков на русском языке. Судят присланные произведения два состава жюри:

взрослое и детское, состоящее из 12 подростков в возрасте от 12 до 16 лет. Лауреатами становятся 13 авторов лучших работ. Три лауреата Конкурса получают денежную премию.

Эти рукописи можно смело назвать показателем современного литературного процесса в его подростковом «секторе». Их отличает актуальность и острота тем (отношения в семье, поиск своего места в жизни, проблемы школы и улицы, человечность и равнодушие взрослых и детей и многие другие), жизнеутверждающие развязки, поддержание традиционных культурных и семейных ценностей. Центральной проблемой многих произведений является нравственный облик современного подростка.

С 2014 года издательство «Детская литература» начало выпуск серии книг «Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова». В ней публикуются произведения, вошедшие в шорт-листы конкурсов. К началу 2022 года в серии уже издано более 50 книг. Вышли в свет повести, романы и стихи лауреатов шестого Конкурса. Планируется издать в лауреатской серии книги-победители всех конкурсов. Эти произведения помогут читателям-подросткам открыть для себя новых современных талантливых авторов.

Книги серии нашли живой читательский отклик. Ими интересуются как подростки, так и родители, библиотекари. В 2015 году издательство «Детская литература» стало победителем ежегодного конкурса ассоциации книгоиздателей «Лучшие книги года 2014» в номинации «Лучшая книга для

детей и юношества» именно за эту серию.

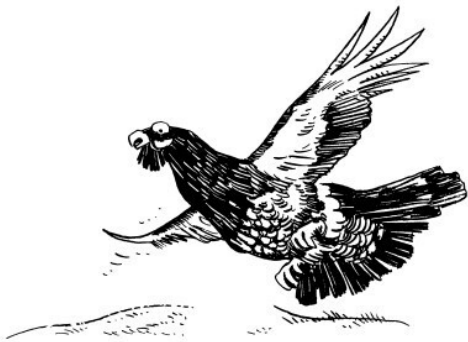

Глава I

Костёр в весенней ночи

Легенда об Эльгакане¹. Эпизод первый

Высоко над рекой – на скалистом отвесном берегу – горел большой костёр. Он уютно бросал искры в наползающую с востока густую синюю темноту. Окутанные дымом сосны пытались ловить и гасить искры пышными, выкрученными ветрами лапами.

На Амуре был ледоход. Ветер приносил запах рыбы и та-

¹ Эльгакан – ручей, единственный в данной повести вымышленный топографический объект, у которого существует реальный прототип, находящийся в нескольких километрах от своего книжного двойника.

ющего льда. Река, оцепенело жившая всю зиму под толстой удушливой ледяной коркой, освобождалась от неё, словно птенец лебедя от ненужной и ненавистной уже скорлупы. И как вылупившийся птенец, река поминутно наливалась силой, расправляла крылья, крепла, чтобы уже через несколько дней превратиться в свободное и красивое создание, летящее к океану.

Лёд шёл по Амуру неравномерно. Иногда река почти полностью освобождалась от него, и тогда охотник слышал тихий и умиротворяющий плеск волн. Но вдруг откуда-то с верховьев приносило табунок разрозненных льдин, и над рекой начинало растекаться тихое и робкое стеклянное перешёптывание. Немного погодя прибывали новые обломки льда; становилось тесно; они сталкивались друг с другом, переворачивались, обкалывались по краям. Амур в это время звенел сотнями китайских колокольчиков. В какой-то момент льдин становилось так много, что они образовывали сплошное белое поле с редкими полосками чёрной воды. С тюленьим урчанием льдины наползали на мокрые колючие спины друг друга, толкались, давили и топили себе подобных. Ледоход замедлял свой бег, почти останавливался. Река умолкала и замирала в заторе. Но, передохнув, рыхлая скорлупа льда снова приходила в движение. И снова проносились мимо тысячи больших и малых осколков зимы...

Прошедшая зима была суровой и трагичной. Немногое выжило в ней. В сентябре Ергач с отцом ушли соболевать

в северные отроги хребта Тукурингра на речку Желтулак. В одном из распадков скатали крохотное зимовьё с дымным очагом по-чёрному. А уже в середине ноября случилось несчастье: в погоне за раненым сохатым отец угодил в полынью, чудом выбрался из реки, утопив их единственную винтовку и одну лыжу. Кое-как добрался до зимовья, пройдя в ледяной одежде десять вёрст по глубокому снегу. Мороз был такой страшный, что тайга клубилась леденящей молочной мглой, в которой колыхались серые размытые фрагменты лиственниц. Так сложились роковые обстоятельства, что именно в этот день опытный и всегда предусмотрительный отец забыл и спички, и огниво. Для того чтобы размораживать сковывающий тело ледяной панцирь, он несколько раз прямо в окоченевшей одежде окунался в речные проталины, затем вываливался в снегу и снова бежал до избушки. Отец сумел добраться до дома, но простудился и слёг в сильном жару. Ергач две недели ухаживал за больным, но так и не смог его спасти. Он похоронил отца под большим лиственничным выворотнем², закидав могилку крупными речными камнями.

Прошедшее лето было засушливым и неурожайным: не вызрела ягода и шишка стланика, не расплодилось боровая птица и грызуны. Соболя было мало, но и шкурки тех двух десятков, которые он с трудом добыл, сгорели вместе с зимовьём за неделю до выхода из тайги.

² Выворотень – корень упавшего дерева, вывороченный из земли.

Ергач вернулся в Албазин³ в конце апреля – без отца и без собольих шкурок. Ещё сильнее осунулась пустовавшая всю зиму чёрная изба на краю станицы. Мать умерла от тифа одиннадцать лет назад. Сестёр и братьев у охотника не было. Теперь он остался совсем один...

Стемнело. Амур и плывущие по нему льды стали невидимы. Рядом с Ергачом сидела у костра Софья – младшая из дочерей купца Осетрова. Девушка задумчиво шевелила сухой сосновой веточкой красные угли. Кончик веточки накалялся от жара, вспыхивал суетливым пламенем и вскоре отгорал, сухим серым пеплом обваливаясь в костёр. Ей было шестнадцать, и она заметно выделялась красотой среди других станичных девушек. Из-под цветастого платка падала на стройную спину белокурая тугая коса, и такой же светлый локон завивался на чистом широком лбу. Сияющая улыбка редко сходила с её лица. Даже когда девушка старалась быть серьёзной, её большие голубые глаза смотрели насмешливо. Была она стройная и белая, как молодая маньчжурская берёза. Сватались к ней разные женихи: лихие статные казаки – сыновья атаманов и сотников; изнеженные, но хорошо образованные отпрыски купцов и приказчиков; фартовые приискатели с впалыми щеками и тёмным прошлым. Женихов было так много, что Софья давно запуталась в них. Были

³ Албазин – так, на старинный манер, герои повести называют казачью станицу Албазино, основанную на месте русской крепости Албазин, которая существовала на левом берегу Амура в 1651–1689 гг.

они все для неё хоть и привлекательной, но безликой массой. Впрочем, от её выбора и симпатий ничего не зависело: последнее слово было за отцом. А он всё ждал сватов побога-че, всё вынашивал какие-то планы, известные только одному ему.

Самой же Софье глянулся лишь красивый девятнадцатилетний охотник со скуластым обветренным лицом и чёрными длинными, как у инородца, волосами, которого не столько за одежду из косульего меха, сколько из-за постоянного скитания по тайге прозвали в станице Ергачом⁴. Прозвище это оказалось настолько подходящим и так въедливо прикипело к парню, что настоящее имя забыли. Отец Софьи препятствовал общению дочери с Ергачом, ведь охотник был беден и, более того, даже не стремился разбогатеть – брал от тайги ровно столько, чтобы быть сытым и здоровым.

– ...Если твой отец против, выходи за меня убёгом, – продолжил Ергач прерванный разговор.

– Нет, – категорично ответила Софья, – ни добром, ни убёгом. Сам подумай, где мы жить станем? В твоей немытой горенке? Или на Джелтулак вернёмся – к пепелищу, чтобы вслед за отцом твоим, дядькой Ульяном, в тайге сгинуть? Ни капитала нет, ни скотины, ни земли. Берданку единственную и то в тайге потерял, фартовый промышленник.

Повисла пауза, которую нарушал лишь мерный треск костра да однообразные вскрики желны. А потом Софья про-

⁴ Ергач – тулуп мехом наружу, а также устаревшее прозвище охотника.

должила:

– И на прииск я не поеду. Не видала ещё богатого работяги. А гробить себя за тарелку риса, как китайцы-наёмники, просто смешно. Ты пойми, я люблю тебя, но жить в нищете не хочу. И Албазин этот захоластный уже опротивел мне – с приказчиками да казаками, вместе взятыми. Я хочу уплыть по Амуру в Благовещенск... – Софья мечтательно прикрыла глаза. – Понимаешь? Купить большой-большой дом на набережной, открыть лавку, пекарню, а затем, когда разбогатею...

– Я могу продать отцовскую избу, – рассеянно предложил Ергач, – уедем в Благовещенск, купим лес, начнём строиться.

– А дальше что? В батраки к Альберсу⁵ наймёмся? Сколько стоит твоя старая изба? Нужно много денег, милый. Очень много. Нужна удача, золото.

Ергачу было трудно понять девушку, ведь для него деньги не имели никакой ценности... Но, не желая терять любимую, охотник легкомысленно произнёс:

– Хорошо, Софья, я найду деньги, и мы уедем. Подамся на лето в тайгу. Разыщу это проклятое золото.

– Ну вот, когда разыщешь, тогда и поговорим, – ответила Софья, – тогда и буду твоей.

⁵ Альберс Густав (1838–1911) – один из основателей товарищества «Кунст и Альберс», которое имело торговую сеть по всему Дальнему Востоку, в том числе – крупный универсальный магазин в г. Благовещенске.

И девушка, бросив обгоревший и порядком укоротившийся прутик в костёр, ушла. Только белая коса ещё долго мелькала в темноте наступившей ночи.

Ергач остался один сидеть на берегу Амура. Искры улетали ввысь и, обращаясь в звёзды, рассыпались по Млечному Пути.

И звенели, звенели, не переставая, китайские колокольчики на реке...

Глава II

Тайна Спиридонова ручья

Легенда об Эльгакане. Эпизод второй

В ту ночь Ергач плохо спал. Не успел он вернуться домой, как поднялся сильный ветер. Кряхтели лиственницы. Стучала в сенях надорванная доска. Шквал сорвал замки со ставней, и они беспомощно взмахивали в темноте потрескавшимися деревянными крыльями; скрипели ржавые петли ворот; и какой-то жалобный волчий плач беспрестанно слышался в звуках ветра...

Ергач не сразу различил в зловещей какофонии непогоды тихий, как царапанье, стук в дверь. Поначалу он принял его за слуховой обман. Но стук повторился.

Охотник встал с покрытых медвежьими шкурами нар и подошёл к двери, на всякий случай прихватив со стола нож в меховых оленьих ножнах. Стук не прекращался и теперь стал более отчётливым. Тогда Ергач откинул крючок и открыл дверь. Что-то тёмное и бесформенное вторглось в избу и, словно куль с картошкой, рухнуло на пол. Сжимая извлечённый из чехла нож, хозяин опасно отступил назад, к столу, и поспешно разжёл керосиновую лампу. Жёлтое пламя, тускло бьющее сквозь закопчённое стекло, высветило седо-

го длиннобородого бродягу, распластанного на грязных досках. Незнакомец казался мертвецом, лишь слабое судорожное дыхание говорило о том, что в иссохшем одревеневшем теле ещё теплится уголёк человеческой жизни. Ергач перенёс гостя на свои нары.

Незнакомец очнулся только через сутки – на следующую ночь, когда ветер и тучи (так и не разродившиеся ни дождём, ни снегом) ушли и в водах Амура снова отражались звёзды. Ергач поднёс к потрескавшимся губам бродяги глиняную чашку слива́на – солёного плиточного чая на топлёном молоке и масле. Тот шумно, с прихлюпываниями выщедил её и снова погрузился в забытьё. Утром он уже настолько окреп, что смог выпить миску горячего глухариного бульона. Он всё порывался что-то сказать, мычал и пыхтел, округляя жёлтые глаза, но Ергач останавливал его, понимая, что попытки заговорить отнимают силы больного.

Лишь на третий день вечером прошли жар и озноб и вернулись силы. Незнакомец уже мог вставать, выходить на двор. Мало-помалу он начал говорить и наконец поведал охотнику свою историю.

Бродягу звали Куприян Никодимович Ермолов. Родился он в забайкальской станице на реке Шилке в год отмены крепостного права. Отцом его был заезжий казачий сотник, а матерью оседлая тунгуска. Когда Куприяну исполнилось тринадцать, в семье появился отчим из пермских крестьян-переселенцев, который сразу невлюбил пасынка. Жизнь под одной крышей с новоявленным родителем стала невыносимой, и Куприян убежал из дома. Сначала попрошайничал по станицам, нанимался в батраки, был водовозом, истопником, а потом прибил к вольным старателям.

Потекли годы, наполненные лишениями, голодом и тяжёлым трудом среди дикой бескрайней тайги. В 1883-м до их бродячей артели докатился слух о несметных богатствах только что созданной Желтугинской республики, которая находилась в Маньчжурии недалеко от российской границы, но не подчинялась ни китайскому, ни российскому императорам и в которой золото было разбросано по мху, словно льдышки после града, только нагибайся да складывай в кули. Из Забайкалья через отроги Олёкминского Становика их небольшая артель из семи человек отправилась к Амуру.

Но людская молва оказалась наполненной домыслами. Долина реки Желтуги не была устлана самородками. На вид это была унылая заболоченная низменность, поросшая чахлыми лиственницами и опоясанная покатыми боками приземистых сопок. Однако золота в этих гиблых краях всё же было больше, чем они когда-либо встречали. Не зря острые на язык репортёры амурских и забайкальских газет называли Желтугу Амурской Калифорнией.

Пришлая из Забайкалья артель в складчину арендовала кусок земли в одном из пяти штатов⁶ республики и начала рыть яму. Ямой называлась кустарная шахта, уходящая под землю на глубину в два-три человеческих роста, на дне которой лучами расходились в разные стороны горизонтальные

⁶ Штаты – в подражание США территория Желтугинского прииска была поделена на пять штатов: четыре русских и один китайский.

галереи-брты. В тёплое время года вода, сочащаяся из мари⁷ как из мочалки, заливала орты, поэтому выработка песков велась зимой, промывали тут же – в больших закопчённых чанах с растопленным снегом.

Неподалёку от ямы старатели поставили кряжистое, в восемь венцов, зимовьё из неошкуренной лиственницы с плоской дерновой крышей. В маленький оконный проём, размером локоть⁸ на локоть, был вставлен высушенный сохатинный пузырь, сквозь который сочился в жилище жёлтый гниловатый солнечный свет. Внутри жались к чёрным стенам сбитые из колотых плах нары, застеленные сухой болотной травой и покрытые облезлыми шкурами. В центре громоздился стол с неизменной горой грязной посуды. В углу нещадно коптила печь-каменка, наспех обмазанная глиной.

Работали от рассвета до заката. Через год, когда население прииска стремительно возросло до пяти тысяч душ, начался голод. Продуктов, доставляемых из крупных городов через станцию Игна́шина, не хватало. Фунт⁹ сухарей, за который в Благовещенске давали штуку¹⁰ золотого песка, в Желтуге уже стоил три-четыре штуки. Начались болезни. Несмотря на запрет, измученные артельщики всё чаще ударялись в

⁷ Марь – болотистое место в тайге.

⁸ Лóкоть – старая мера длины, равная приблизительно 50 см.

⁹ Фунт – старая мера веса, равная 409,5 г.

¹⁰ Шту́ка – здесь: то же, что золотник, старая мера веса, равная 4,26 г. На Желтуге за штуку золотого песка в то время давали от 3 до 3,5 рублей.

пьянство и карточные игры, отчаянно истребляя все заработанные деньги.

Тогда-то и прибился к ним земляк из Забайкалья Спиридон Подьяков – крепкий, жилистый, работающий мужик лет пятидесяти. Разница в годах не помешала Куприяну крепко сдружиться со Спиридоном. Из всей артели лишь эти двое ни разу не пригубили ни казённую водку, ни контрабандный китайский ханшин¹¹. Вечерами Спиридон много рассказывал о своей прошлой жизни, а она была богатой на приключения. Впрочем, дружба эта была недолгой: в декабре 1885-го Спиридон внезапно заболел тифом и помер. Перед смертью же в чадном дыму зимовья, кашляя и задыхаясь, с трудом шевеля беззубым ртом, опасливым заговорщицким шёпотом рассказал Куприяну тайну открытой им золотой россыпи.

Ещё далёкой-далёкой осенью 1859 года, будучи в Благовещенске, нанялся Спиридон рабочим-шурфовщиком в экспедицию горного инженера Николая Павловича Аквилева, которая в спешном порядке отправлялась на север Приамурья, где летом в бассейне реки Ольдой штейгер¹² Терентьев наткнулся на благонадёжную золотую россыпь. Прибыв на место, экспедиция начала закладку шурфов по речкам Модолан¹³ и Ульдегит¹⁴ – притокам Ольдоя. Работали всю зиму

¹¹ Ханшин – русское название китайской водки байцзю в Приамурье.

¹² Штэйгер – мастер рудных работ.

¹³ Модолан (сейчас Мадалан) – правый приток реки Ольдой.

и составили подробную карту месторождения. А как вскрылись реки, штабс-капитан Аквилев снарядил небольшой отряд в рекогносцировочный поисковый маршрут на плотках вниз по речке Тынде. Вскоре на слиянии двух рек отряд наткнулся на долину безымянного ключа, богатую самородками. На обратном пути, когда уже спускались вниз по Гилбю, плот угодил в залом¹⁵, и все, кроме Спиридона, погибли. Сгинули в бурлящих ледяных водах и дневники вместе с картами и образцами золотоносной породы. Когда через месяц, изрядно нагоремычившись, Спиридон добрался до штаба экспедиции, об открытом месторождении умолчал. Одинокими таёжными ночами возле жидких костров у него вызрел план: тайно набрать артель и самостоятельно двинуть к открытому золоту. Но плану не суждено было сбыться. Осенью, отмечая удачное спасение и выход из тайги, старатель ввязался в драку в питейном заведении Албазина. И, как на грех, в той драке насмерть забили двух инородцев. Разбираться не стали. Спиридон вместе с другими участниками был осуждён и отправлен на Нерчинскую каторгу. Трижды пытался бежать, но трижды был пойман и бит палками. И только на четвёртый раз, после двадцати с лишним лет заключения, бежал и затерялся здесь – среди сброда Желтугинской республики...

¹⁴ Ульдегит (сейчас Улягир) – приток Модолана.

¹⁵ Залом – образующийся в узком месте или на крутых поворотах реки нанос пней, упавших деревьев и т. п.

Через два месяца после смерти Спиридона и сама Амурская Калифорния перестала существовать. Добравшиеся наконец из глубины Китайской империи карательные отряды цинской армии навели порядок на нелегальных приисках долины Мохэ¹⁶: русских в обмен на непротивление изгнали домой – за Амур, а соотечественников безжалостно казнили, поотрубав им украшенные чёрными косами головы.

Умирая, Спиридон передал всё своё заработанное золото Куприяну. Оказавшись в Игнашиной, Куприян сдал обе доли купцам. И в одночасье оказался богачом. Он намеревался организовать тайную поисковую экспедицию к россыпи Спиридона, но без памяти влюбился в красивую молодую крестьянку, с которой познакомился на станичных посиделках. Посватался, сыграли свадьбу. На вырученные от желтугинского золота деньги молодые построили большую, светлую избу, завели хозяйство – коров, лошадей.

Казалось, навсегда ушла в прошлое бродячая жизнь. Но пять лет назад Глафиру, жену Куприяна, убило молнией на покосе: встала под большое дерево во время грозы, а молния аккуратно по этому дереву и хлестанула, расщепив его на три части. Под обломками и нашли посиневшую Глафиру. Детей, несмотря на семнадцать совместно прожитых лет, у Ермоловых не было. Куприян стал попивать да погуливать, и хозяйство быстро пришло в упадок. Тут-то он и вспомнил о золотом ручье Спиридона. Вдохновил и вышедший за несколько

¹⁶ Мохэ – китайское название реки Желтуга.

лет до этого – в 1901-м – императорский указ о вольноприносительстве, по которому разрешалась свободная добыча и продажа золота. Продал Куприян дом и оставшуюся скотину, купил снаряжение и провиант и отправился на реку Тынду. Было это весной прошлого года.

Всё лето Куприян искал заветный ручей и лишь в сентябре стали поблёскивать в его лотке небольшие, со спичечную головку, чешуйки. Решил зимовать и бить шурфы. Но начались несчастья: лошадь задрал медведь, утонули все патроны к берданке во время переправы на самодельной берестяной лодке-умурэчун. Зиму Куприян голодал, питаясь лишь случайно пойманными в силки глухарями и зайцами да разнорыбицей из сети подо льдом. Сил искать золото уже не было. Чуть с ума не сошёл той зимой в одиночестве. Весной, как потеплело, двинул обратно к людям, но в дороге заболел лихорадкой. Кое-как добрался до Албазина и постучал в первую же подвернувшуюся крайнюю избу. Так и оказался той памятной ветреной ночью у Ергача.

Выслушав Куприяна, Ергач в свою очередь рассказал о себе. И про неудачную охоту прошлой зимы, и про гибель отца, и про Софью, ради женитьбы на которой собирался в тайгу за золотом.

Несколько дней терзался мыслями выздоравливающий Куприян, но однажды вечером, сидя возле горячей, уютно урчащей печки, всё же предложил Ергачу вместе идти на Спиридонов ручей:

– Слабый я стал, больной, адали¹⁷ шатун-амикан¹⁸. Трудно одному тропы в тайге мять: избаловала, видать, оседлая жизнь с Глашенькой. – Тут он надолго задумался о чём-то, провалившись в бездонную яму памяти, поскрёб бороду обломанными ногтями, глубоко и рассеянно выдохнул и продолжил: – Ага... А парень-то, вижу, ты смышлённый, абы кого я в напарники не беру. Да и жизнью я тебе обязан... Вот и кумекаю: раз надумал – сбагривай дом, а я золотишко какое-никакое, с тайги вынесенное, продам. Сложим капиталы, купим коней, инстру́мент, провизию на сезон и двинем обратно на Тынду. Чую, ждёт нас там фарт невиданный в этот раз.

Не успели расплавиться под весенним солнцем грязные выносы льда, разбросанные большой водой по берегам Амура, как маленькая артель была собрана в дальнюю дорогу.

Покидали Албазин рано утром. Станица ещё спала. Лишь изредка перекрикивались петухи, сипло брехали собаки, да жалобно мычала корова в одном из ближних дворов... Звонко шлёпали о подмёрзшую землю копыта двух тяжело навьюченных лошадей. Солнце ещё не взошло, лишь высветлились очертания сопок на востоке. Воздух был чист, прозрачен и до краёв наполнен влажным горьковато-пряным амбре цветущего багула, перемешанным со сладким запахом оттаяв-

¹⁷ Адали – словно, точь-в-точь (*вост. – сиб.*).

¹⁸ Амикан – медведь (*эвенк.*).

шей берёзовой коры. Прямо за околицей токовал каменный глухарь, и чуть дальше – в сосняке – ему откликнулся ещё один. Сухо сыпалась сверху барабанная трель киро́кты¹⁹.

Впереди, взяв одну из лошадей под уздцы, шёл Куприян. За ним – потомственный амурский охотник-промышленник Ергач, ставший теперь старателем-вольноприносителем.

¹⁹ Киро́кта – чёрный дятел, желна (*ороч.*).

Глава III

Туманы Дальнего Востока

До шести лет я жил в Казахстане, в центре большого, выжженного солнцем и радиацией города Семипалатинска, но в 1981 году, перед самой школой, мать увезла нас сестрой на свою родину – на Дальний Восток. Мы поселились на краю Тынды в маленьком невзрачном вагончике-бытовке, обшитом ржавыми жестяными листами. В таких вагончиках жили тогда многие строители Байкало-Амурской магистрали.

И хоть я был совсем ребёнком, отчётливо и подробно помню первое утро на Дальнем Востоке. Уже рассвело, но солнце ещё не взошло. Я вышел из поезда прямо в густой августовский туман, пропитанный незнакомыми для меня влажными запахами багульника, лиственницы, голубики, грибов, прелого берёзового листа и обмазанных креозотом железнодорожных шпал. После отравленного, едко пахнущего сухой пылью и пылью воздуха Семипалатинска запах Тынды показался мне удивительным и волшебным. Вот так с первого вдоха утренним туманом я влюбился в Дальний Восток.

Вагончик, в котором прошло моё раннее детство, стоял на самом краю города. Тротуары, бегущие от дома к дому, были деревянными. А по краям их росли кусты багульника и голубики. Рядом текла речка со странным названием

Шахтаум. Долгое время я думал, что название реки как-то связано с шахтами (которых тут никогда не было), и лишь недавно узнал, что Шахтаум – значит тальниковая, или ивовая, речка, от эвенкийского слова «шекта» – тальник, ива. Берега реки и вправду одеты в необычайно густую ивовую парку. Эта маленькая, но беспокойная речка всегда холодная, даже в жару, потому что воды её состоят из тающих наледей и подземных родников, омывающих вечную мерзлоту. На другом берегу Шахтаума начиналась тайга.

Поначалу отношение моё к тайге было философско-созерцательным. Я подолгу гулял по берегу речки, иногда осторожно переходил её по перекату и немного углублялся в заросли, обрывая на ходу ягоды красной смородины, голубики и мохóвки (так на Становом хребте называют чёрную смородину), в обилии растущие у самой кромки воды. Вечером я переносил свои впечатления на бумагу – рисовал в альбоме тайгу: сопки, речку, лиственницы, ягоды и грибы – всё, что увидел, понюхал, попробовал на вкус за день.

Иногда я приносил домой понравившийся мне куст кедрового стланика или небольшое деревце сосны или лиственницы, которые осторожно выкапывал с корнями. Вскоре под окнами нашего вагончика появился маленький ботанический сад с аллеями из таёжных деревьев. Просто пересаживать деревья с места на место мне показалось мало, и я начал проводить опыты, трансплантируя верхнюю часть ствола сосны на подпиленную лиственницу, а верхушку листвен-

ницы – на ствол сосны. Так у меня в оранжерее появились гибриды – соснолиственницы и лиственницесосны. Моими гибридами восхищалась не только мать, но и соседи. Восхищались и посмеивались, называя Мичуриным. Гибриды и в самом деле выглядели интересно, но имели одну неприятную особенность – не отличались живучестью. Поэтому после серии неудачных пересадок растительной ткани и последующей вслед за этим массовой гибелью саженцев я опыты прекратил.

Однажды, переходя речку, я с удивлением и удовольствием обнаружил, что в ней водится рыба. Сначала я ловил голянов на стеклянную банку с кусочком хлеба внутри. Этот способ я видел ещё на Иртыше в Семипалатинске. Чуть позже я перенял у кого-то из мальчишек другой способ добычи рыбы – с помощью самодельной остроги, состоящей из прочной ивовой палки и обычной столовой алюминиевой вилки, примотанной к палке проволокой. Такой острогой я добывал бычков, выюнов и небольших налимов, прячущихся на речном дне между камнями.

Несколькими годами позже я сделал из воздушного фильтра самосвала мордушку. Мордушку я привязывал к длинному куску чёрного армированного телефонного кабеля, клал внутрь горбушку хлеба и закидывал на ночь в глубокую и тихую заводь под опору тогда ещё деревянного автомобильного моста, перекинутого через Шахтаум в районе Желтулакского промхоза. Утром доставал из своей самодельной

снасти пару десятков гольянов и двух-трёх небольших налимов. Налимов мать жарила на сковородке, а с мелочью возиться отказывалась. Мне тоже не хотелось тратить время на чистку гольянов, но поскольку рыба была добыта честным и нелёгким трудом, то выкидывать я её не мог. Часами, согнувшись, прищурившись, долго и монотонно разрезал ножом миниатюрные скользкие брюшки, потроша рыбу. Мои мучения продолжались бы долго, а возможно, вообще отбили бы тягу к рыбалке, если бы однажды случайно встреченный на берегу реки рыбак не показал мне удобный и, главное, быстрый способ чистки мелюзги: если надавить на брюшко гольяна щепотью по направлению от головы к хвосту, внутренности легко вылетают из естественного заднего отверстия. После этого надо лишь сполоснуть рыбёшку, и она готова к кулинарной экзекуции.

Выпотрошив гольянов, я укладывал их в стеклянную банку рядами, пересыпал солью и оставлял на сутки, затем промывал и сушил, нанизав на нитку. Собственноручно пойманный, подсолённый и вяленый гольян очень вкусный. Вкуснее вяленой магазинной мойвы. По крайней мере, мне так кажется, а уж в детстве я был в этом уверен.

В июле на склоне сопки вдоль реки появлялись грибы. Первыми сквозь палую листву пробивались сыроежки. Сыроежки были разные – ярко-красные, бордовые, зелёные и даже серо-буро-малиновые. Были крепкие и ядрёные, а были и рыхлые, ломкие, разваливающиеся на части от малейшего

прикосновения. В детстве я наивно полагал, что сыроежки потому так называются, что их можно и нужно есть сырыми. И часто уплетал наиболее привлекательные из них прямо в тайге, не донося до дома. Но всё же поджаренные или тушёные сыроежки намного вкуснее. Сырые же сыроежки напоминают пресную и влажную древесную труху. Сыроежки, как и гольяны, требуют много времени на чистку. Чтобы убрать горечь, нужно удалить всю разноцветную плёнку с их шляпок. А называются сыроежки так потому, что их нельзя приготовить впрок, в отличие от других грибов, которые можно не только жарить и варить, но и солить, сушить, мариновать.

Когда на смену июльскому зною приходило время моросящих августовских дождей и долгих утренних туманов, так любимых мной, к сыроежкам присоединялись другие грибы: подберёзовики, подосиновики и подольховники. А в конце августа и начале сентября, когда ночи становились долгими и холодными, обильно выпали многочисленные колонии маслят, волнушек, груздей. Мой любимый гриб – волнушка. Запах у волнушки вкусный. Чтобы волнушка не горчила, её нужно двое-трое суток вымачивать, часто меняя воду. Чем дольше вымачивается волнушка, тем вкуснее пахнет. Иногда я подолгу сидел над тазом с вымачивающимися волнушками, вдыхая их запах. Волнушки не годятся для варки и жарки и пригодны исключительно для засолки. Но среди солёных грибов волнушкам нет равных ни по вкусу, ни по аро-

мату, ни по хрусту.

Однажды, когда мне было уже восемь лет, я уговорил мать пойти за грибами на сопку за посёлком УМС²⁰ и очистными сооружениями – мне хотелось увидеть неизведанную тайгу. Мать была далека от природы, с трудом разбиралась в грибах, но против моих плаксивых уговоров не устояла.

Грибов было в тот день мало, но совместными усилиями мы всё же набрали к вечеру полные вёдра и решили возвращаться домой. И тут возникла непредвиденная трудность: мы не знали, в какой стороне дом, мы заблудились. После долгих и бесплодных скитаний из стороны в сторону матери пришла в голову идея подняться на вершину ближайшей сопки, чтобы посмотреть, в каком направлении город. К этому времени тайга погрузилась в ночную тьму. На вершине сопки я взобрался на высокую лиственницу и – о, чудо! – увидел огни далёкого города. В полночь мы вышли к нашему вагончику.

Мне очень понравилось это первое настоящее таёжное приключение, но мать с тех пор в тайгу ходить зареклась и больше компанию мне не составляла. К тому же половина таёжных даров, набранных нами с таким трудом, оказалась несъедобными оленьими грибами, которые мы спутали с маслятами. У маслят шляпка чистая, гладкая, у близких их родственников – оленьих грибов – имеются пятна на шляпке, иногда совсем незначительные. Нижняя поверх-

²⁰ УМС – Управление механизации строительства.

ность шляпки у оленьих грибов более пористая. Чуть позже я узнал, что и оленьи грибы можно есть после долгого вымачивания и многочасовой варки, но при этом всегда остаётся шанс получить пищевое отравление с летальным исходом. Это похоже на игру в русскую рулетку, принцип и правила которой меня всегда смущали и настораживали.

По мере взросления страсть к тихой охоте увлекала меня всё дальше и дальше в глубь тайги и однажды привела на Колхозные озёра, ближайšie из которых расположены в шести километрах от города. Колхозные озёра возникли сотни лет назад в поймах рек Тында и Гиллой из их старых русел. Подобные озёра так и называются – старицы. Сначала озеро было главным руслом реки, затем протокой, а после, когда река в одно из половодий поменяла русло и ушла, протока отсоединилась, стала озером и зажила своей жизнью. Таких озёр получилось около десятка, и все они вытянутые и извилистые.

Когда в селе Первомайском была ферма, коров с этой фермы через речку Тынду гоняли пастись сюда. Поэтому охотники и рыбаки прозвали эти озёра Колхозными. Местность тут равнинная, заболоченная, с большими топкими кочковатыми марями, но сухие рёлки²¹ покрыты березняками, которые напоминают пейзажи подмосковной Мещёры, виденные мной на книжных иллюстрациях. В березняках Колхоз-

²¹ Рёлка – возвышающийся над общей низменной заболоченной равниной и покрытый лесом участок.

ных озёр в зарослях хвоща появлялись самые ранние подберёзовики и подосиновики. Появлялись они совсем в неурочное время на очень короткий срок, совпадающий со временем поспевания жимолости. И как только жимолость сбрасывала со своих ломких шершавых веток последние переспелые ягоды, пропадали и грибы. Пропадали для того, чтобы появиться вновь в конце июля и радовать уже разномастное племя грибников до первых серьёзных заморозков.

Хорошо было в конце июня ходить на Колхозные озёра. В маленькую корзину я собирал крепкие, упругие грибы, в литровую банку – продолговатую сине-фиолетовую горьковатую жимолость. А вырезав на обратном пути из ветки ивы небольшое удилище и привязав к нему леску с поплавком, крючком и грузилом, всегда имеющиеся у меня в кармане, ловил толстых красноперых озёрных гольянов. Вернувшись домой, я жарил их с яичницей или вялил по приведённой выше технологии.

Я рано привык к тайге, перестал бояться её и научился ориентироваться без компаса и карты. В одиннадцать лет я уходил один далеко в сопки и возвращался домой с большой двухведёрной корзиной грибов. Таскать за собой громоздкую корзину было неудобно, и я разработал свою методику сбора. Когда корзина начинала заполняться и становилась тяжёлой, я ставил её под дерево, а сам с целлофановым пакетом в одной руке и ножом в другой обходил окрестности по кругу и возвращался к корзине с очередной партией

грибов. Затем, взяв корзину, я шёл в другое место и снова оставлял её под приметным деревом, уходя на поиски грибов. Необходимость безошибочно возвращаться к оставленной корзине выработала во мне способность ориентироваться без компаса в таёжной чаще. У меня появился внутренний компас. Я не думал о том, где моя корзина, а просто, положившись на интуицию, шёл в том направлении, куда она меня вела, и никогда не ошибался. Эта удивительная способность безошибочно ориентироваться в тайге хоть днём, хоть ночью была у меня до девятнадцати лет. С девятнадцати лет началась моя взрослая семейная жизнь, скитания с женой и детьми по стране из города в город, и на десять лет я был разлучён с тайгой. Когда вернулся, с удивлением и грустью понял, что утратил способность легко ориентироваться в лесных дебрях. И сейчас я редко ухожу в тайгу без GPS-навигатора.

Глава IV

Устье реки Шахтаум

Мы прожили в вагончике пять лет. Неподалёку от нас находился огромный промышленный склад металлоконструкций треста Мостострой-10. Я иногда пробирался на этот закрытый объект инкогнито и подолгу лазил по мостовым пролётам и перекрытиям. Представлял себя единственным оставшимся на земле человеком, затерянным среди скелетов давно вымерших динозавров. Но однажды эти гигантские останки куда-то увезли, площадку под бывшим складом отсыпали гравием, разровняли и построили на ней несколько жилых щитовых бараков (сборно-щелевых, как иронически называют их бамовцы). Так появился новый двор на улице Шахтаумской²². В этот двор мы с матерью и сестрой в скором времени и переехали. А наш вагончик подняли краном, погрузили на трал, и больше я его никогда не видел.

Наш новый дом находился ещё ближе к реке и тайге, поэтому сразу мне понравился. В новом дворе оказалось много подростков – моих ровесников. Между детёнышами *Homo sapiens* началась увлекательная внутривидовая борьба за территорию и доминирование на ней. Ежедневно мы дрались,

²² Шахтаумская – в данной повести под этим названием описывается улица Киевская.

кидались камнями, сражались на штакетинах, словно на саблях. Каждый вечер я приходил домой в синяках, ссадинах и порезах. Чаще всего столкновения происходили с высоким, смуглым, худощавым, но жилистым и очень ловким Максом, который был на год старше меня и на стороне которого была более чем половина двора. Я уже успел сдружиться с несколькими ребятами, и наши игры во дворе проходили мирно и спокойно до тех пор, пока не появлялся Макс со своей ватагой.

Однажды жарким летним днём наша компания общими усилиями сосредоточенно отремонтировала колесо велосипеда Ваньки Филина, с которым я легко сошёлся в первый же день переезда в новый двор и который впоследствии много лет был моим лучшим другом.

На самом интересном месте, когда ремонт был уже почти завершён, в нашу сторону полетела шрапнель из камней, гулко рикошетищая о наши кости и неокрепшие тонкостенные черепные коробки. Оказалось, что Макс, начитавшись исторических романов, смастерил небольшую мобильную катапульту и не придумал ничего лучшего, чем испытать действие этого грозного оружия на нас.

Мы схватили штакетины и с гневными криками «ура!» бросились на обидчиков. Я, уворачиваясь от камней, побежал напрямик к Максиму и начал ногами и штакетиной ломать его инженерное детище. Максима мои действия привели в ярость. Мы сошлись в кулачном поединке и стали щедро

обмениваться ударами по всем доступным частям тела, но с особенным удовольствием лупили друг друга по лицам. Я же ещё умудрялся попутно пинать ногами ненавистную катапульту. Надо признать, что эта реплика античного метательного орудия, к счастью для меня, но к огорчению Макса, не отличалась прочностью. Мне быстро удалось вывести её из строя. Мои друзья – Ванька Филин, Лёнька Молчанов, полный и от природы добродушный мальчуган, и его брат Колька – немного подрались на «саблях» с группировкой неприятеля, но потом, когда у нас с Максом завязалась нешуточная баталия, обступили нас, и каждый подзадоривал своего участника.

В тот раз мне крепко досталось. Я ушёл избитый, но непобеждённый. Макс отказался продолжать драку, когда у меня из носа фонтаном брызнула кровь. В те времена во дворах было правило – драться до первой крови. Первая кровь пошла у меня, а значит, по законам улицы я потерпел поражение. Мы расстались с обоюдной надеждой на реванш.

Но до зимы у нас серьёзных столкновений с вражеской группировкой больше не было. Мы несколько раз кидались друг в друга камнями (катапульты благодаря моим стараниям ремонту и восстановлению не подлежала) и обменивались оскорблениями, находясь на безопасном расстоянии.

Пришла зима, пролетели новогодние праздники, и на январских каникулах мы с друзьями собрались в экспедицию вниз по реке Шахтаум. Целью этого авантюрного мероприя-

тия было составление карты водоёма вплоть до его впадения в реку Тынду. Мы запаслись карандашами и блокнотом, бутербродами, тушёнкой и хлебом и утром конспиративно, не афишируя своих намерений, отправились в путь.

Экспедиция была самая настоящая. Нам предстояло пройти около шести километров по «снежной пустыне». Я был топографом и руководителем. Ванька Филин – поваром, Лёнька Молчанов – завхозом, он тащил за собой санки с походным скарбом, а самому младшему участнику, Кольке Молчанову, была поручена наиболее почётная миссия – он был знаменосцем. В нашей экспедиции был настоящий красный флаг с серпом и молотом, который мы украли в красном уголке соседнего общежития и который нам надо было водрузить на самую высокую точку рельефа при впадении Шахтаума в Тынду.

Утро выдалось очень холодным, мороз был за сорок пять градусов. Младший Молчанов, измученный морозом и утомлённый тяжёлым флагом, вскоре упал духом, пригорюнился и начал замерзать. В итоге расплакался и наотрез отказался идти дальше. Пришлось вернуться, чтобы проводить его до тропинки, ведущей в наш двор. Во дворе он повстречал Макса с его командой и по доброте душевной рассказал о нашей экспедиции.

Проводив Кольку, мы вернулись и продолжили экспедицию вниз по реке. Функции знаменосца взял на себя Филин. Мы долго брели по заснеженному, поросшему крас-

но-бурными прутьями тальника руслу реки. Несмотря на тёплую одежду, ватные штаны и телогрейки, мы сильно мёрзли. Шапки-ушанки и шарфы, завязанные поперёк лиц, обросли инеем. Руки коченели, но я всё же делал наброски в блокнот, перенося на бумагу частые изгибы русла. И вот перед нами раскинулась ледяная, промёрзшая ширь реки Тынды.

Был полдень, мороз немного ослаб, и стало теплее. Мы забрались на скалу напротив устья Шахтаума и торжественно водрузили флаг. Спустившись, наломали сухих листовенных веток и возле трёх почерневших венцов какого-то старинного сгнившего зимовья развели костёр, разогрели тушёнку, подержали над пламенем окаменелые от мороза бутерброды и принялись обедать. В самый разгар нашей трапезы на скале появились вандалы. Они выдернули флаг, сломали его и скинули вниз. Это был Макс со своим средним братом и двумя друзьями. Они выследили нас по наводке Кольки Молчанова.

Поглумившись над символом нашего похода, ребята спустились со скалы и подошли к костру.

– Ну что, Фритъоф Нансен, провалилась твоя экспедиция к Северному полюсу? – усмехнулся Макс, обращаясь ко мне и указывая на сломанный флаг.

– Нет, не провалилась, – не обращая внимания на издёвку, спокойно произнёс я, выскребая хлебной коркой остатки тушёнки из консервной банки. – Мы первые прошли по реке и первые составили карту.

– Тоже мне первооткрыватели! – засмеялся Макс. Смех подхватила вся его команда. – Да мы без всякого флага и без карт по этой реке сто раз ходили!

Я молча покончил с тушёнкой и бросил пустую банку в костёр. Мои друзья угрюмо и напряжённо доедали свой обед.

Макс, видя, что насмешки на нас не действуют, подошёл к костру и начал ногой забрасывать его снегом. Угли жалобно зашипели.

– А ну отойди! – крикнул я, вставая, ошарашенный такой наглостью.

Но Максу этого и надо было.

– Эй, парни, налетай! Туши костёр! – крикнул он своим компаньонам.

Друзья Макса налетели на костёр и общими усилиями быстро с ним расправились. А также распинали остатки бутербродов и опрокинули разогретую шипящую консерву, которую мы не успели съесть.

Максу этого показалось мало. Он схватил мой блокнот, лежащий поодаль на санках, и начал вырывать листы, на которые я сегодня всё утро так старательно наносил замёрзшими пальцами линии берегов Шахтаума. Это было последней каплей моего терпения. Я подскочил к Максиму и с размаху двинул ему по лицу. Он отбросил блокнот и врезал мне в ответ. Завязалась потасовка. Как и в предыдущий раз, обе команды сочувственно наблюдали за поединком своих пред-

ставителей. Мы дрались молча и злобно. Получив серию взаимных оплеух и порядком устав, обхватили друг друга за плечи и стали упражняться в греко-римской борьбе. Слышались наше деловитое кряхтение, сопение и подбадривающие крики ребят.

Вдруг я запнулся о пенёк и повалился в снег. Макс всей массой обрушился на меня сверху. Снег был очень глубоким, и я полностью скрылся под ним. В тот миг, когда меня с головой накрыло жгучим ледяным покрывалом, я узнал, как ощущает себя человек, попавший под снежную лавину. Колкие крупницы снега мгновенно забили мне нос и горло так плотно, что я захлебнулся и перестал дышать. Макс, видя, что я больше не сопротивляюсь, принял это за слабость, к нему вернулись силы, и он принялся колотить меня по лицу с удвоенным оптимизмом. Но я уже не чувствовал боли, я потерял сознание...

Очнувшись, я увидел над собой испуганные лица ребят и редкие пушистые облака, медленно и безучастно плывущие в поднебесье. Больше всех взволнованным казался Макс.

– Ну что, Нансен, великий путешественник, живой? – испуганно спросил Макс.

– Живой, – вяло ответил я, вставая и отряхивая с себя алый снег, – мой многострадальный нос снова оказался разбит, из него обильно текла кровь.

Макс и его команда, видя, что со мной всё в порядке, потоптавшись и не сказав ни слова, подавленно и тихо ушли.

Когда они скрылись из виду, друзья помогли мне очистить снегом телогрейку от крови. Затем мы собрали разбросанные и помятые листы с картой и отряхнули их от снега. После чего принесли флаг, обмотали поломанное древко верёвкой, забрались на скалу и водрузили его на прежнее место.

На обратном пути мы ещё долго оглядывались, с удовольствием наблюдая, как на ветру развевается красное знамя нашей экспедиции. А потом река начала петлять, и скала с флагом скрылась за этими поворотами.

Глава V

Первый рассвет на Колхозных озёрах

Драка в устье Шахтаума оказалась переломной в наших отношениях с Максом. То ли он всерьёз испугался тогда за меня, то ли понял, что длительная вражда не принесёт ничего хорошего ни их, ни нашей компании, но открытой агрессии с его стороны больше не было.

В те годы я собирал почтовые марки. Мать покупала и дарила их мне на разные большие и малые праздники, поэтому марки у меня были подобраны по её вкусу – живопись, великие исторические персоны, советский космос. По воскресеньям я ездил иногда в ДК «Олимпийский», находящийся в одном из отдалённых одноэтажных микрорайонов города Мехколонна-94, чтобы потолкаться среди таких же коллекционеров, похвастать своими альбомами и посмотреть чужие. Коллекционеры в большинстве своём были взрослыми дядьками с сединой и залысинами. Подростки отсутствовали, так как собирание марок для большей части моих сверстников сводилось к играм на школьных переменах, когда марки в перевёрнутом виде раскладывались на подоконник и соперники, хлопая по ним ладонью, пачками выигрывали их друг у друга. Марка считалась выигранной, если перевора-

чивалась от хлопка. Эта откровенно глупая игра никогда мне не нравилась. Я брезгливо относился к измызганным разноцветным бумажкам, бывшим когда-то марками. Мои же марки хранились в альбомах, листы которых были проложены папиросной бумагой, и были рассортированы строго по темам. Перекладывая марки из альбома в альбом, я брал их пластмассовым пинцетом, чтобы не оставлять на глянцеви-той поверхности неопрятные отпечатки пальцев.

Однажды на филателистской тусовке в «Олимпийском» я столкнулся с Максом. Мы оба удивились этой встрече и настороженно поздоровались за руку. Макс попросил посмотреть мои альбомы. С интересом изучив коллекцию, он протянул мне стопку своих альбомов. Таившаяся в них почтовая атрибутика меня потрясла.

Что это были за марки! Тут не было обречённой княжны Таракановой с крысами на тюремной постели и болгарской версии флегматичной Сикстинской Мадонны, навязанных мне матерью. Макс покупал марки только сам, без советов родителей. Под ледериновыми обложками его альбомов жили лошади всех мастей – арабские чистокровные, орловские и русские рысаки; собаки разных пород; змеи; таёжные звери: медведи, волки, горностаи, белки... Была сказочная природа с горными озёрами и водопадами. Мне захотелось обменять всю свою живопись и всех своих великих людей с умными и кислыми лицами на какой-нибудь один небольшой набор красивых и стройных лошадей из коллек-

ции Макса, но мать строго-настрого запрещала мне меняться. Посмотрев марки Макса, я понял, что теперь буду собирать только животных и природу. Никаких больше шедевров эпохи Ренессанса! Никаких томных полных женщин! Никаких космонавтов с приклеенными улыбками на волевых лицах!

Выйдя из «Олимпийского», мы продолжали говорить о природе и животных. Я не переставал восхищаться филателистической подборкой Макса. Мы долго стояли на остановке, но автобуса не было. Замёрзнув, зашли погреться в туристический магазин. На прилавке я увидел топорик в чехле и сказал Максиму по секрету, что давно коплю на него деньги. Макс удивился и ответил, что тоже копит именно на такой. А ещё он сказал, что давно мечтает о палатке, но она стоит так дорого, что одному накопить не получится. И тогда я предложил копить вместе. Макс с радостью согласился. Домой в наш двор мы вернулись друзьями.

Весь остаток зимы и весну мы копили деньги. В начале лета приехали в туристический магазин и купили брезентовую одноместную палатку, два топорика с металлическими обрешеченными рукоятками в кирзовых чехлах для ношения на поясе, котелок и две эмалированные кружки. Нам не терпелось отправиться за город и провести первую в нашей жизни ночёвку в дикой природе.

Мне было двенадцать, а Максиму – тринадцать лет. Отправиться в тайгу на несколько дней оказалось непросто. Выру-

чили родители Ваньки Филина, которые как раз собирались провести выходные на Колхозных озёрах. Они взяли нас с собой под свою ответственность. В последний момент в компанию влились младшие братья Макса Андрей и Димка. Еле поместившись в раздутый по бокам «жигулёнок», мы отправились на природу.

На озере наша ватага благополучно отпочковалась от взрослых, чему они, наверное, втайне были очень рады. Мы выбрали на противоположном берегу сухую и ровную поляну, поросшую брусничным листом, и принялись с деловитым наслаждением ставить новую палатку. Это незамысловатое брезентовое походное жилище показалось нам шикарным. Больше всего восхищало окошко с москитной сеткой. Но век хрупкого синтетического полотна был недолог. Пока ставили палатку, в неё набились комары. Филин взял из костра дымящуюся головешку и стал изнутри выкуривать кровососов. Борьба с насекомыми было скучно, и он время от времени выглядывал в окошко и дразнил братьев Макса, показывая им язык и корча рожи. Долговязый и рассудительный Димка разозлился, подкараулил его и, когда физиономия Филина в очередной раз показалась в окне, с силой хлопнул по стенке палатки рукой. Брезентовое полотно прогнулось внутрь, и москитная сетка угодила прямоком на горячую головешку, которую Филин держал в руке. Нежное капроновое полотно сетки сморщилось, почернело и расползлось – в окошке зияла большая дыра с уродливо обугленными чёрными краями.

Парни сразу перестали дурачиться. Понимая, что игра зашла слишком далеко, собрались было незаметно улизнуть, но не тут-то было. Возмездие за испорченную палатку было мгновенным и неотвратимым. Димка, пойманный карающей рукой Макса, получил серию болезненных, но полезных с воспитательно-профилактической точки зрения подзатыльников. А Филин, испуганно вылезавший на четвереньках из палатки, отведал размашистый, надолго запоминающийся пинок под зад от меня. Прореху в окне мы заткнули мхом.

Обидевшись, наши хулиганы ушли купаться на другое озеро и до вечера возле палатки не появлялись. С ними увязался и веснушчатый белообрый непоседа Андрей. Мы с Максом неторопливо вскипятили чай, позавтракали, собрали удочки и принялись ловить гольянов.

– Ванькины родители говорят, что в этом озере караси большие водятся, вот бы поймать, – мечтательно произнёс я, снимая с крючка очередную мелкую рыбку. – Да ещё бы размером с ладонь. Я был бы самым счастливым человеком.

Караси размером с ладонь казались мне очень крупными. Мечтать о более внушительном трофее не позволяла моя гипертрофированная скромность и умеренность во всём.

– Размером с ладонь... – задумчиво повторил за мной Макс, видимо мысленно представляя, как должен выглядеть указанный карась. – Да ну, откуда тут такие крупные.

– А я верю, что есть, – убеждённо сказал я.

– Ну и верь, только от твоей веры карась в озере не по-

явится.

Макс поймал ещё с десяток гольянов и, потеряв интерес к рыбалке, ушёл вслед за парнями купаться. Я остался один, и меня это устраивало. В глубине души я считал, что карась не ловится потому, что друзья сильно шумят и пугают рыбу. Время от времени поплавок подрагивал, ходил туда-сюда, затем погружался вглубь. Каждый раз моё сердце сжималось в надежде, что это клюнул большой, «с ладошку», карась, но на крючок цеплялась только мелочь.

Озеро, на берегу которого стоял наш лагерь, было длинным и извилистым, но не широким. Топкие колышущиеся берега, состоящие из переплетений травы и мха, не позволяли подойти вплотную к воде. До неё было ещё далеко, когда плавучий берег под ногами уже начинал медленно погружаться в озеро. На недосыгаемой границе зыбкого берега и открытой воды росли на высоких мясистых стеблях ирисы с длинными узкими листьями и рядами крупных сине-фиолетовых цветов. На ирисах сидели, прилепившись тонкими цепкими лапками, огромные длиннотелые стрекозы с прозрачными крыльями и мощными объективами кинокамер вместо глаз. Когда стрекозы перелетали с цветка на цветок, они были похожи на маленькие вертолёты. Иногда они принимали за цветок мой поплавок, усаживались на него и замирали, раскачиваясь на волнах озёрной ряби до тех пор, пока клюнувшая рыба не сгоняла их. Далеко от берега плавали среди округлых, разбросанных в беспорядке листьев жёл-

тые упругие цветы кувшинок. На сухих и солнечных берегах озера росли саранки – тигровые лилии – большие, изящные, ярко-апельсинового цвета с крупными чёрными крапинками веснушек внутри.

На другом берегу озера, где расположились родители Филина и откуда приятно тянуло дымком и запахом шашлыка, росли берёзы. Потому что берег там был высокий – коренной. А наш топкий берег облюбовали низкорослые кривые лиственницы, под которыми росли на моховом ковре невысокие кусты голубики, берёзы Миддендорфа и пахучий болотный багульник. По тайге разносился монотонный разноголосый щебет мелких птиц, среди которого то и дело слышался отчётливый и плаксивый голос кукушек: серию звонких однообразных «ку-ку» иногда завершали звуки, похожие на нервное кваканье и квохтанье.

День выдался жарким, и вода на поверхности озера была очень тёплой. Самое время для купания. Но мне купаться совсем не хотелось. Мне было интереснее сидеть с удочкой в одиночестве под тенью лиственниц и философски наблюдать за природой. И тогда и сейчас я считаю такие мгновения самыми лучшими в своей жизни.

Когда солнце закатилось за сопки, вернулись с соседнего озера парни – загоревшие, накупавшиеся, навеселившиеся.

– Ну что, Серёга, поймал карася? – иронично поинтересовался Макс.

– Нет, – ответил я, – но зато попалось несколько очень

крупных гольянов, один из них почти с ладонь.

– Я же говорил: нет тут карасей.

Мы развели костёр, выпотрошили гольянов, почистили картошку и принялись варить суп. Сидя у костра, мы не заметили, как нас обступила светлая июньская ночь, укрыв тайгу полупрозрачной серой вуалью. Умолкли птицы. По безоблачному небу рассыпались редкие неяркие зёрнышки звёзд. Но верхушки сопок, за которые укатилось солнце, не чернели, а так и оставались всю ночь окрашенными в нежную сиреневую закатную акварель.

Полужинав и попив чаю, ребята развалились возле уютно потрескивающего костра и завели разговоры. Но я так устал за день от новых впечатлений, что не присоединился к ним, а, достав из рюкзака тёплое шерстяное одеяло, ушёл спать в палатку.

Я проснулся на рассвете. Мои друзья сладко сопели рядом, вдоволь наговорившись за ночь. Тихонько, чтобы никого не разбудить, я выбрался наружу. Крыша палатки просела посередине, а бока вздулись и расползлись в стороны. Палатка, рассчитанная на одного степенного лесного бродягу, уместила и убаюкала под своим пологом пятерых беспокойных подростков. Поэтому потеря ею правильной геометрической формы была простительна.

Я развёл небольшой костёр, подогрел остатки чая, нетерпеливо позавтракал и направился к берегу. Над озером висел прохладный туман. Но мне было тепло в толстом свитере

и вязаной спортивной шапке. Удобно устроившись на полупотопленном дереве, я нацепил на крючок червя и закинул удочку.

Озёрная мелюзга жадно набросилась на наживку. Поплавок дёрнулся раз-другой и резко ушёл в глубину. И вот уже на крючке блестит, извивается крупный краснобрюхий голянь. Снова заброс – и снова стремительная атака голодных подводных обитателей...

Я увлечённо ловил голяньев, не замечая, как пробилась сквозь туман первые лучи солнца, как громче защебетали лесные пичуги. Вдруг неподалёку от меня, за стеблями ириса, послышался громкий всплеск. Было похоже, что там резвится крупная лягушка. Мне показалось забавным поймать на удочку лягушку, и я перезабросил в то место удочку. Поплавок замер ненадолго, потом слегка задрожал, заходил из стороны в сторону, приподнялся вверх, снова замер и резко ушёл в глубину.

– Поймалась, квакушка! – язвительно и радостно произнёс я, чувствуя непривычную тяжесть на том конце лески.

Я с силой рванул на себя удилище, вытягивая улов. Водная гладь забурлила, вспенилась, бамбуковое удилище согнулось, задрожало, затрещало и заходило из стороны в сторону, послышались громкие шлепки по воде, полетели брызги, и в солнечных лучах, пробившихся сквозь туман, засверкала, ослепляя меня, чешуя огромного карася. Я забыл про проводку и, рискуя оборвать леску, одним рывком выбросил

рыбу на берег. Я ещё ничего не соображал, мне ещё казалось, что я сплю и карась – продолжение моего утреннего сна. Но это был не сон. Я подскочил к рыбе и взял её в руки. Карась отчаянно извивался. Он был намного больше моей ладони. Размером и весом он был сравним с большой чугуновой сковородой. Карась был мокрым и скользким. Брюхо его было бронзовым, а спина глянцево-чёрной. Это был мой первый карась!

– Я поймал карася! – покатился по Колхозным озёрам мой радостный, звонкий, победоносный клич. – Я! Поймал! Карася-а-а!

Друзья, разбуженные моими криками, испуганно выбрались из палатки и, сонно потирая глаза, обступили меня и трофей, шевелящийся у моих ног.

– Есть всё-таки в озере благородная рыба, – ошеломлённо произнёс Макс. – Ты был прав, Серёга.

– Какой огромный! – удивлялся Филин, рассматривая рыбину и опасно трогая её кончиком указательного пальца.

– Тут не то что с ладонь – с тазик будет! – всё так же не веря своим глазам, восхищался Макс.

Ребята схватили удочки и устремились к озеру, надеясь, что и им улыбнётся сегодня удача. Но больше карасей в это утро никто не поймал.

А я ещё долго сидел на берегу: то брал в руки карася, то снова клал на мох, любуясь и гордясь им.

– Вот тебе и лягушка, – тихо подсмеивался я над собой.

Вечером нам нужно было собираться домой. Мы стали снимать палатку, легко извлекли из земли все алюминиевые колышки, но один, полностью забитый в толстый корень большого лиственничного пня, вытащить не смогли. Промучившись около получаса, решили бросить его тут, отвязав от него растяжку палатки. Этот колышек до сих пор торчит в том месте. И двадцать, и тридцать лет спустя, бывая в тех местах на охоте или на рыбалке, я обязательно присяду на наш пенёк и с улыбкой посмотрю на всё ещё сидящее в нём позеленевшее от времени алюминиевое инородное тело. И перед глазами у меня встают мои друзья, наша первая неказистая брезентовая палатка, короткая, светлая июньская ночь, первый мой карась и первый мой рассвет на Колхозных озёрах.

Глава VI

Избушка на острове Тополином

В ту осень мне исполнилось тринадцать лет, и я пошёл в седьмой класс. Мать лелеяла мысль сделать из меня врача и, договорившись со своей знакомой, пристроила меня на медицинские курсы при городском Доме пионеров, который тогда занимал первый этаж одной из четырёх тындинских шестнадцатизэтажек. Курсы были свободными, и поступить на них мог любой желающий. Договариваться пришлось потому, что к обучению принимались только учащиеся девятых классов. Я же был двумя классами младше. Курсы были рассчитаны на два года, и, по задумке матери, по окончании курсов и выпускного восьмого класса, имея удостоверение медбрата, я должен был без труда поступить в Зейское медучилище.

У меня не было особого желания становиться врачом, но очень не хотелось огорчать мать, поэтому пришлось согласиться. Но, чтобы было не сильно скучно, я подговорил Макса составить мне компанию. Мать готова была выполнить любой мой каприз, лишь бы я не мешал реализовывать её родительские амбиции, поэтому выбила место и для Макса. Таким образом, мы с другом погрузились в ту осень в незнакомый и загадочный мир медицины.

Медкурсы не были похожи на прочие развлекательно-познавательные кружки Дома пионеров. Это были сложные занятия с многочасовыми лекциями по пять вечеров в неделю. Мы много конспектировали: за несколько месяцев у меня скопилась стопка толстых, мелко исписанных общих тетрадей.

Кроме лекций была практика. Четыре часа в неделю, надев белые халаты, мы работали в железнодорожной больнице. Разносили по кабинетам врачей амбулаторные карты из регистратуры. Опорожняли и дезинфицировали утки и горшки лежачих больных, а также меняли их постельное и нательное бельё, это должно было избавить нас от чувства брезгливости, которое несовместимо с профессией врача. В процедурных кабинетах помогали медсёстрам кипятить шприцы, иногда нам даже доверяли поставить внутримышечные инъекции.

Перед Новым годом у нас были первые практические занятия в анатомичке на вскрытии. Наша группа состояла из девчонок. Мужская часть была представлена только мной и Максом. За несколько дней до посещения анатомички из группы по странному стечению обстоятельств ушло несколько учениц. А перед самым порогом предпоследнего людского пристанища, не в силах переступить его, отсеялась ещё треть группы. Я не буду рассказывать, чем мы занимались, какие опыты проводили и какие анализы делали в лаборатории анатомички. Пусть это останется медицинской тайной.

Замечу лишь, что ни страха, ни отвращения у меня тогда не было. Присутствовало только здоровое любопытство студента, которое и нужно будущему медику. Может быть, я стал бы хорошим хирургом. Но вскоре произошло событие, которое поменяло мою жизнь.

В напряжённом графике многочасовых занятий пролетел учебный год. В мае на курсах был большой блок лекций, посвящённый клизмам: виды клизм, показания, практика.

– ...Положив больного на бок и согнув его ноги в коленях, вводим наконечник клизмы в прямую кишку, – слышался монотонный голос преподавателя. – И не перепутайте, пожалуйста, отверстия, а то был у нас случай. Студентка в первый раз ставила клизму и от волнения ввела её больной вместо прямой кишки в...

Аудитория взорвалась дружным смущённым хохотом.

Курс лекций о клизмах закончился в пятницу, а в понедельник была запланирована практика по этой теме в стационаре.

Впереди были выходные, и пробуждающаяся природа была пропитана весной. Тёплое солнце растопило последний снег, и большая вода унесла его вместе с рыхлым грязно-белым весенним льдом вниз по течению. На солнечных склонах сопок цвели мохнатые колокольчики сон-травы и высокие пахучие кусты рододендрона даурского с розово-фиолетовыми соцветиями. Над рекой стремительно носились табуны перелётных уток. С низовьев поднималась рыба. Тай-

га звала к себе. И мы уже не могли оставаться в городе. В субботу после школы уехали на первую в этом году рыбалку, на которую взял нас с собой наш новый знакомый – дед Илья.

Дед Илья, который всю жизнь проработал лесником при лесхозе, но уже давно был на пенсии, переехал в наш маленький двор этой зимой. Раньше он жил на другом конце города, в большой, рубленной им сорок лет назад избе. Когда в той части города решили построить новый девятиэтажный микрорайон для строителей железной дороги, деда Илью переселили в наш двор, в однокомнатную квартиру в бараке, пообещав дать благоустроенное капитальное жильё, когда микрорайон будет построен.

Всю зиму дед Илья просидел безвылазно дома. Но однажды ранней весной, когда только-только начало пригревать солнце и с крыш свесились сосульки, он выволок на улицу чёрную, в разноцветных заплатках резиновую лодку, накачал её и поставил к забору под солнечные лучи.

Мы с интересом наблюдали за действиями деда Ильи, а потом я поинтересовался:

– Зачем вы лодку накачали, на реке ведь ещё лёд?

– А я, ребятки, не плавать на ней собрался. Я уж отплавал своё. Вот просушу посудину да продам, а с нею и остальное барахлишко таёжное, – ответил дед Илья.

– Дедушка, а вы нам продайте, – попросил я, – мы с другом рыбаки, мы на мордушку налимов ловим.

– Да, – подтвердил Макс. – А прошлым летом Серёга на

Колхозных озёрах даже карася огромного поймал на удочку.

– Карася?! – притворно удивился дед и улыбнулся. – Ну, тогда и вправду рыбаки, карась – рыба знатная.

Так, случайно разговорившись, мы познакомились с дедом Ильёй. Ему шёл восьмой десяток, он был небольшого роста, сухой, со смуглым морщинистым лицом и седой широкой бородой. Дед Илья сильно хромал и ходил, опираясь на старую, обшарпанную палочку с кривой засаленной ручкой. Одну ногу ему несколько лет назад отрезали ниже колена, и её заменяла самодельная деревянная культяпка. Всю жизнь дед Илья провёл на охоте и рыбалке. Не бросил любимое увлечение и после увечья – бродил, хромя, с ружьём или удочкой недалеко от города. Но в последнее время стала болеть и вторая нога, и дед Илья сидел дома, лишь изредка выходя на улицу. Он был добрый, но одинокий, а поэтому нелюдимый и замкнутый человек. Но мы с Максом почему-то сразу нашли с ним общий язык. Дед Илья пообещал продать нам лодку после того, как съездим с ним в тайгу.

– Старый я стал. Пора помирать. Вот поможете мне в тайгу сходить да попрощаться с нею, тогда и продам вам лодку. И сетки продам.

На остров Тополиный вела напрямик тропа по тайге через Колхозные озёра. Но дед Илья попросил своего дальнего родственника забросить нас на «жигулях» до турбазы «Чибачок», что выше по реке, а оттуда мы уже могли спуститься сплавом, и родственник нехотя согласился. В полном молча-

нии добирались мы до места, но когда родственник высадил нас на берегу, хмуро попрощался и уехал, мы оживились.

– Сейчас накачаем лодочку и дунем вниз по течению! – обрадованно сказал дед Илья, вытряхивая плавсредство из прорезиненного мешка.

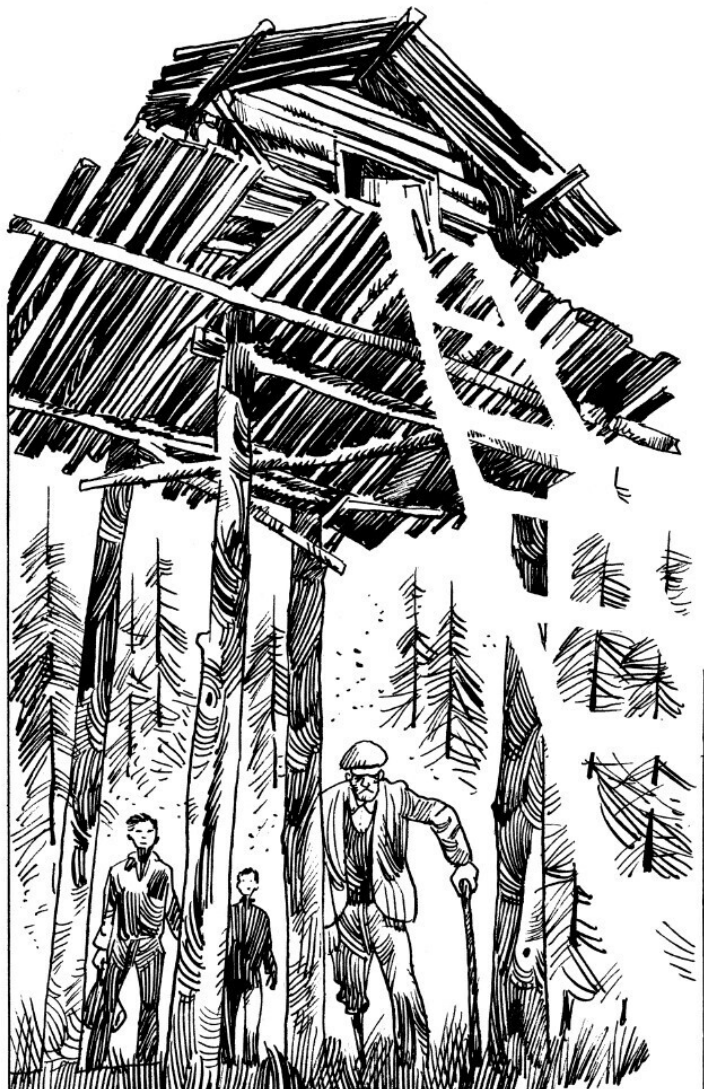
Мы с Максом бросились помогать ему. Накачав судно, усажив в него, оттолкнулись от берега, и река весело и стремительно понесла нас вниз.

Гиллой в тот день был полноводным, с сильным течением, мы быстро доплыли до острова Тополиного. По занесённой илом тропе, сквозь заросли ивы направились вглубь острова. Чем дальше мы уходили от берега, тем выше становились деревья. На смену ивам пришли тополя, а за ними лиственницы. Но вот тропа неожиданно закончилась, и на небольшой поляне перед нами выросло как из-под земли старое, покосившееся зимовьё.

Остров Тополиный высокий и сухой, но раз в пять-шесть лет над Становым хребтом собираются густые, плотные тучи и идут затяжные ливни, не прекращающиеся неделями, и тогда остров полностью уходит под бурые холодные воды расвирепевшей, вышедшей из берегов реки. Поэтому дед Илья не просто построил зимовьё на самом высоком месте острова, но и поставил его на опоры, в роли которых выступили стволы вековых лиственниц. Дед Илья выбрал группу растущих рядом деревьев, спилил их на уровне метра от земли, обвязал пни поперечными балками и постелил на них

дощатый пол. Стены соорудил из тонкомера²³, а крышу – из принесённых рекой досок. Получилось что-то среднее между избушкой и лабазом. К двери жилища поднимались высокие ступеньки.

²³ Тонкомёр – тонкоствольная древесина, брёвна небольшого диаметра.

Внутри бóльшую часть избушки занимали сплошные широкие нары, способные уместить впритирку пятерых таёжных бродяг или двух-трёх вальяжно развалившихся. Справа от входа скукожился под крохотным окошком небольшой почерневший стол, а в противоположном углу ютилась ржавая печка, обложенная крупным речным галечником. В углу за печкой был прибит к стене для отражения тепла большой цинковый лист. Сквозь многочисленные щели между брёвнами весело лился солнечный свет. Зимой в такой избушке было холодно, но для весны, лета и осени лучшего пристанища не найти.

Река всё-таки добиралась иногда и на такую высоту. Пол в зимовье был занесён толстым слоем ила и песка. Нижняя часть стен была испачкана высохшей побелевшей речной грязью, по границе которой можно было определить уровень поднимавшейся воды. Дверь в избушке перекосилась и не закрывалась, к тому же была прострелена дробью и зияла дырами, видно, какой-то упёртый охотник долго и настойчиво проверял на ней кучность²⁴ и резкость²⁵ своего дробовика.

Мы починили дверь, подтесали её, прибили на простреленные места фанеру. Одели на печку выпавшую жестяную

²⁴ Кучность (боя) – процентное соотношение количества дроби, попавших в мишень, к общему количеству дроби в патроне.

²⁵ Резкость (боя) – способность дроби снаряда проникать в поражаемую ими среду и производить в ней разрушение.

трубу. Отмыли от грязи и пыли нары и стол, проконопатили стены. Избушка стала выглядеть намного привлекательней. А когда мы затопили печку, стало тепло и уютно.

Одну сторону большого вытянутого Тополиного острова омывала река, другую – полноводная протока со спокойным, почти недвижимым течением. На эту протоку, оставив Максима хозяйничать в зимовье, мы отправились с дедом Ильёй ставить сеть-сороковку. Я потихоньку грёб вёслами, а мой пожилой наставник распутывал и вытравливал сеть, обучая меня этой премудрости. Дед Илья ставил сеть вдоль берега, под углом от него, совсем не так, как мне хотелось.

– Дедушка Илья, давайте не так поставим, а полностью перегородим протоку, – наивно предложил я, – тогда всю рыбу поймаем.

– О, какой ты жадный! – усмехнулся он. – Всю рыбу ему подавай. А другим что останется? – А потом продолжил уже серьёзно: – Я почему так ставлю – потому, что щука, да прочая рыба, к мелководью жмётся. Для щуки тут самый корм – гольяны и другая мелочь. И чебак какую-никакую козявку под берегом скovyрнёт. А на глубине в протоке только сомы живут, а сом ещё не поднялся с низов, вода ещё для него холодная. Ты сетку поперёк протоки поставишь, её течением натянет, всё равно что струну гитарную, рыба в неё не пойдёт. Река такую сеть мусором закидает – травой, да ветками, да хвоей старой.

– А-а... – удивлённо ответил я.

Не успели мы распутать и закинуть в протоку дальний конец сети, как в начале её, под самым берегом, где была вбита тычка²⁶, за которую привязали шнур, задёрнулись и утонули берестяные полавки.

– Щука влетела, – буднично резюмировал дед Илья, продолжая работу.

– Не, не щука, она бы побоялась при нас, это мы сеть за корягу, наверное, зацепили, – возразил я.

Поставив остаток сети, мы поплыли обратно. Чем ближе мы подплывали к утопленным полавкам, тем сильнее ходила сеть из стороны в сторону. Теперь я уже не сомневался, что попалась рыба.

Дед Илья взялся за шнур и потянул его на себя, в сети забилась крупная щука. Перекинув рыбину в лодку вместе с частью сети, он быстро выпутал её, расправил полотно и снова перебросил сеть за борт. Мы поплыли вдоль берега протоки в сторону зимовья. Грести на этот раз взялся дед Илья.

Остромордая пятнистая хищница лежала на продавленном нашими ногами дне лодки и судорожно шевелила жабрами. Иногда она извивалась и била хвостом, обмазывая лодку слизью. Я решил посмотреть, какие у щуки зубы. Взял рыбину в руки и открыл ей рот. Зубы у щуки оказались странными: они представляли собой несколько рядов частых, загнутых вовнутрь крючков. Мне стало любопытно: а каковы эти зубы на ощупь? Держа правой рукой скользкую пасть

²⁶ Тычка – ивовый колышек, вбитый в землю.

хищницы раскрытой, я просунул указательный палец левой руки прямо щуке в рот. Щука возмутилась и бешено задёргалась. Я не смог её удержать и ослабил руку. Челюсти речного монстра захлопнулись, прикусив мой палец. Мне бы перехватить рыбину удобнее, снова раскрыть её пасть и аккуратно вытащить палец, но я запаниковал и, не разжимая её челюстей, попытался резко выдернуть его. Острые загнутые зубы глубоко впились в мою кожу. Я рванул сильнее. Щука приоткрыла рот, и палец с большим трудом освободился. Несколько лоскутов ободранной кожи безжизненно повисли на пальце словно лохмотья. Из ран, пачкая лодку и мою телогрейку, обильно полилась алая кровь.

– Ой, как больно! – закричал я и сунул палец за борт, в студёную реку.

Дед Илья, всё это время с ироническим интересом и удивлением наблюдавший за моими манипуляциями, скептически вздохнул и покачал головой:

– Хорошо хоть не оттяпала... по локоть.

Я с намернувшимися на глаза слезами остужал горячий, истекающий кровью палец в реке, а старый таёжник методично грёб вёслами, не зная, то ли смеяться надо мной, то ли сочувствовать.

На зимовье дед Илья обработал мне палец зелёнкой и крепко перевязал бинтом.

Глава VII

«Не хочу расставаться с тайгой»

Вторую сеть мы поставили в отбойнике. Отбойник – это искусственный перекат, сооружаемый на месте природного для большей эффективности рыбалки. Отбойник мы делали вдвоём с Максом, а дед Илья руководил.

Выбрав подходящий перекат, с тихой, не сильно глубокой ямой за ним, мы вбили в каменистое дно несколько толстых ивовых кольев, так что ряд этих кольев тянулся перпендикулярно течению, подтащили разбросанный по берегу топляк – белые тяжёлые, пропитанные водой и песком брёвна – и накидали их поперёк кольев. Между толстыми брёвнами просунули хлысты потоньше. Под загородку набросали крупных камней. У нас получился рукотворный гибрид переката и залома. Сверху бурлили и клокотали речные волны, а снизу была неглубокая тихая яма, простирающаяся по реке на несколько десятков метров. К дальнему краю отбойника, где подплыв на лодке, а где забредя до верхнего края болотников, мы привязали сеть с мелкой двадцатипятимиллиметровой ячейей и пустили её параллельно берегу по границе водосбоя.

Яму сразу облюбовали хариусы. Мы проверяли сеть каждый час и вынимали из неё по пять-шесть небольших, разме-

ром со средний охотничий нож, серебристых рыбёшек, остро пахнущих свежим надрезанным огурцом. А тех хариусов, которые не хотели идти в сеть, ловили удочками. На наших удочках было по два крючка: один крючок был с короедом и находился под водой, а на другом – искусственная мушка, которой мы играли, имитируя движения комара, летящего над рекой и слегка касающегося речной глади. Поскольку была ранняя весна и летающих насекомых ещё не было, хариус охотнее брал на короеда, чем на мушку, чувствуя в ней подвох. Пойманных хариусов мы сразу потрошили и солили в алюминиевой кастрюле, принесённой с зимовья. Удочки, крючки и короеды у нас троих были одинаковые, но за то время, которое мы с Максом тратили на поимку одного хариуса, дед Илья успевал выудить пять. Почему так происходило, мы не понимали.

За работой и рыбалкой день пролетел незаметно. В сумерках мы развели там же, на косе, возле отбойника, костёр, повесили над ним котелок, подтащили к нему толстые брёвна и, усевшись на них, принялись есть малосольных хариусов с чёрным хлебом. Мясо у хариусов было настолько нежное, что его можно было не жевать, оно само таяло во рту. Мы с Максом ели жадно, с удовольствием, а дед Илья почистил две рыбки, медленно посмаковал их и принялся за чай. Чай был вкусный: сладкий и крепкий, из крупного индийского листа; от кружек пахло горьковатым дымом весеннего гиллойского костра.

Где-то над нами в чёрном небе шёл в Якутию большой косяк гусей. Птицы громко нестройно гоготали. От этого далёкого гогота тайга казалась ещё более первобытной и таинственной.

– Дедушка Илья, а почему вы ружьё не взяли? – спросил я. – Сейчас бы гуся убили.

– Ружьё-то? – переспросил старик. – Да жалко мне их – гусей да уток. Хватит уже на мой век.

Допив чай и выплеснув остатки заварки на речную гальку, Макс вдруг сказал, обращаясь ко мне:

– В понедельник я на практику не пойду.

– Почему? – удивился я.

– Я вообще больше на медкурсы ходить не буду, мне и школы хватает.

– Это всё из-за клизм? Ты клизмы не хочешь ставить? – шуточно, с улыбкой произнёс я.

– Не в клизмах дело, – серьёзно ответил Макс. – Хотя и в них тоже.

Он немного помолчал, вороша веткой затухающие угли в костре, а потом продолжил:

– Не хочу быть хирургом.

– И то верно, – подтвердил дед Илья, – попробуй-ка каждый день человека живого ножом резать.

– Я решил стать лесником. Или егерем, – продолжал Макс. – Буду жить один на лесном кордоне или в охотничьей избушке, как дед Илья. Не хочу расставаться с тайгой.

Дед Илья посмотрел на него одобрительно.

– Если душа к тайге легла, то оно, конечно, дело хорошее, – сказал он, потом задумался о чём-то и продолжил, вздохнув: – А расставаться с тайгой я и сам не хочу. Да вот приходится...

От этого разговора стало грустно. Мы долго молчали, слушая тайгу и думая каждый о своём. С реки потянуло морозцем. Из рта у нас пошёл пар, как зимой.

– Ну а теперь, ребятки, самая рыбалка начинается, – нарушил молчание дед Илья.

– Какая рыбалка? – недоверчиво спросил я. – Ночь уже, и рыбы спят.

– Ну, скажешь тоже, спят! – усмехнулся старик. – Это люди по ночам спят, а у рыб самый жор.

Дед Илья встал, покряхтел и, опираясь на палочку, тяжело ступая протезом, направился к тальниковым кустам. Мы последовали за ним. Срубив крепкий узкий ствол, мы вернулись к нашей стоянке. При свете костра старик обтесал его и насадил на получившийся черенок металлическую заготовку, которую достал из рюкзака. Острога не была похожа на те палки с прикрученными столовыми вилками, которыми я колол налимов и вьюнов на Шахтауме, а напоминала большую расчёску. Она состояла из куса арматуры длиной в пятнадцать сантиметров. Снизу были приварены длинные тонкие зубья с заострёнными крючкообразными, как гарпун, концами, а сверху – кусок металлической трубки, в который

вставлялся ивовый черенок. После того как острога была готова и проверена на прочность, дед Илья извлёк из рюкзака шахтёрский фонарик, и мы пошли к реке.

– Ночь сегодня тёмная, луна тучей закрыта, лучить хорошо будет, – констатировал он. Затем раскатал болотник на одной ноге, а на второй задрал повыше сползшую на протез штанину и шагнул в реку. – Идти надо повдоль косы по мелководью, не сильно глубоко, а то луч от фонаря до дна не достанет, но и не близко к берегу, там рыбы крупной нет. Двигайтесь только против течения – снизу вверх по реке, иначе от ряби и бурунов от ног рыбу видно не будет...

Мы медленно шли рядом: я по одну сторону от деда Ильи, Макс – по другую. Внимательно слушали старого рыбака и загипнотизированно наблюдали за бледным желтоватым лучом фонаря, скользящим под водой по неровному каменистому дну.

Вдруг луч высветил неподвижную, лишь слегка колышущуюся у самого дна тень. Дед Илья медленно опустил острогу в воду, осторожно подвёл к тени и тихо и взволнованно зашептал:

– Острогой надо целить в голову. Когда бьёшь, рыба всегда вперёд дёргается, и зубья если уж не под жабры, то в середину тела точно войдут.

С этими словами он резко вонзил острогу в рыбу, металл зубьев приглушённо скрежетнул по речному дну. Рыбак надавил на острогу для верности и затем выдернул её из воды.

На остриях блестел мокрый извивающийся серебристый ленок.

Дед Илья снял рыбу и положил её в сетчатый мешочек, привязанный к поясу.

– Теперь пробуй ты, – протянул он мне фонарик и острогу.

Под руководством деда Ильи мы с Максом закололи ещё одного ленка, небольшого щурёнка и трёх хариусов. Но много рыбы ушло из-за нашей неопытности невредимыми.

После рыбалки мы снова пили чай на косе и в зимовье вернулись только под утро. Затапили печь и стали укладываться спать.

– Дедушка Илья, а почему рыба луча не боится и не уплывает? – спросил я, скидывая болотные сапоги и взбираясь на нары.

– Так она ж слепнет, потому и не уплывает.

– А бывает такая рыба, что света боится? – спросил Макс.

– Бывает, – ответил дед Илья, загружая печку очередной порцией поленьев. – Например, чебак. Да и щуку трудно лупить, хотя сегодня щурёнка всё же взяли. А вот налим, ленок да хариус света не боятся.

Перед сном дед Илья разбинтовал мой пораненный палец и рассмотрел его при свете свечи.

– Ну вот, заживает твоя «производственная травма», – сказал он удовлетворённо. – Сейчас мы его ещё зелёнкой помажем, но забинтовывать больше не будем, чтоб не загноился. Пусть подсыхает.

– Дедушка Илья, а тайменя можно заколоть острой? – снова пристал я к старому рыбаку.

– Тайменя-то? Можно, отчего ж нельзя, – ответил тот, раскуривая трубку и пуская по зимовью пласты синего дыма.

– Большого? – поинтересовался Макс, располагаясь на нарах рядом со мной.

– Ну, это уж какой попадётся, – ответил дед Илья.

– А вы какого кололи? Большого? – сонно пробормотал я.

– Острой-то? Не, острой я шибко большого не бил. А вот с ружья как-то на перекате огромного стрельнул, всё равно что бревно, сейчас таких уже нет, – проговорил дед Илья, покашливая, и задумался о чём-то. – Мы тогда – в шестьдесят втором – шли с зятем на дюральке²⁷ вверх по Мульмугэ на его участок...

Засыпая, мы слушали тихий скрипучий голос деда Ильи и ровное уютное гудение печки. Но утром я так и не вспомнил, как же дед Илья застрелил тайменя.

Спали мы долго, до полудня, пока дед Илья не разбудил нас:

– Вставайте, курортники, пора сеть проверять!

Мы поели ухи, приготовленной дедом Ильёй, и отправились к берегу, где оставили лодку. За ночь она полностью сдулась и лежала на заиндевевшей траве бесформенной чёрной кляксой. Мы накачали её и поплыли к сети, стоявшей на

²⁷ Дюралька – лодка из дюралья (дюралюминия), прочного сплава на основе алюминия.

протоке. Поплавки в двух местах были утоплены. В одном месте сидела такая же щука, какую мы поймали вчера вечером, а в другом – парочка очень крупных чебаков. Рыбы были ещё живые. Мы сняли сеть, а добычу положили в металлический садок.

Из сети на отбойнике мы вытащили два десятка хариусов, и все они были окоченевшими. Несмотря на течение и холодную проточную воду, хариус быстро погибает в сети, в отличие от щук и чебаков, которые могут жить в намотанном на себя капроновом коконе несколько суток. Но при этом хариусы были свежие и вполне годились в пищу.

В этот день мы снова ловили рыбу на перекате. Дед Илья рассказывал нам о реке и давал наставления, где какая рыба ловится, где нужно ставить сеть, где закидушки, где колоть рыбу.

– Летом на улове²⁸ под тем берегом ставьте пятидесятку – там таймешата хорошие. На мыша опять же можно ночью попробовать. Осенью закидушки бросайте на косе – налим пойдёт. Зимой там вон и там тальники задымят – полыньи незамерзающие. Днём пескаря в них полно-на́полно, а ночью налима стучите на стукалку...

Мы внимательно слушали и запоминали.

– Дедушка Илья, а мы браконьеры? – обратился я к старому рыбаку с мучившим меня со вчерашнего дня вопросом.

– Вот те раз! – удивился он. – С чего ты это взял?

²⁸ Улово – омут, глубокая яма на дне реки.

– Ну, сетью ловим, фонариком лучим, – смущённо ответил я.

– Да какое ж это браконьерство? – удивился дед Илья. – Я, ребятки, тут всю жизнь сетями ловлю да острогой бью, а рыба, как видите, не перевелась. А на тех речках, где старатели золото моют, рыба за одно лето вымирает. Вот они-то, старатели, настоящие браконьеры и есть. Или вот, к примеру, наши очистные сооружения за Сталинским мостом. Туда ведь вся канализация с города по огромной трубе идёт. Уж не знаю, чего они там очищают, да только вся эта грязь с отстойников напрямик в реку идёт. Деревья люди рубят, болота осушают, мазут, да нефть, да химию всякую в реку льют. А посмотри, что на городском пляже делается – бутылки разбитые, пакеты целлофановые. Много народа трудится, чтоб рыбу загубить, а крайним остаётся рыбак с сетью и острогой.

Дед Илья замолчал, подсек и вытащил из воды крупного хариуса. Положив рыбу в садок, поменяв короеда и забросив удочку на прежнее место, продолжил:

– Наш брат рыбак тот браконьер, кто всю реку сетями запутывает, рыбу мешками ловит да продаёт. Или тот, кто молодь истребляет сетью-трёхстенкой. Динамитом глушит, электроудочкой, зазря рыбу переводя. А если для еды, для души да без жадности – самому поесть, друзей угостить – это не браконьер. Сеть да острога – хорошие снасти. Ловите без жадности да не слушайте никого.

Я на всю жизнь запомнил слова деда Ильи. Сеть и остро-

га с той весны стали моей любимой снастью. И по сей день ловлю рыбу сетями и бью острогой. Добываю немного, не больше, чем иные на спиннинг или на удочку. Не пользуюсь китайскими трёхстенками-путанками. Ячею подбираю крупную, чтобы не ловилась молодежь. И, несмотря на то что способы такой ловли считаются браконьерством, мне не стыдно ни перед людьми, ни перед своей совестью.

Вечером мы засобирались обратно. Близилась ночь, а мы всё искали и складывали свои вещи в рюкзаки. Дед Илья во время наших с Максом суетливых сборов стоял, опершись о ствол лиственницы, смотрел на зимовьё и шевелил губами, неслышно говоря о чём-то. А когда мы упаковали наконец вещи, произнёс:

– Лодку я вам, ребятки, за так отдам и сети тоже. Не могу я с вас деньги брать. И избушку свою на вас оставляю, пользуйтесь, мне уже ни к чему.

Мы поблагодарили деда Илью, но к нашей радости пришивалась грусть.

Переплыв протоку, мы сдули лодку и направились в город. Наступила ночь. Тропа на мари была хорошая, твёрдая. Подо мхом был ещё лёд с зимы, и ноги не проваливались. Но шли мы медленно. У нас с Максом были тяжёлые рюкзаки с лодкой и другим скарбом. А дед Илья хоть и шёл налегке, но часто останавливался, то хватаясь за сердце, то потирая ногу выше протеза.

На Лебяжьем озере мы сделали большой привал, дед Илья

достал трубку и задымил. Светила луна – большая, жёлтая, с загадочными тёмными узорами кратеров. Эвенки-орочоны считали, что луна – это зеркало, в которое смотрится хозяйка Вселенной и рода человеческого Энекан Буга, а кратеры – её расплывчатое отражение. Луна освещала неподвижную гладь озера, кривые чахлые лиственницы на его берегу и дальние серые силуэты сопки. В лунной дорожке плыла, удаляясь от нас, ондатра. И я вдруг отчётливо осознал: медицина с её клизмами, инъекциями, скальпелями и зажимами совсем не моё призвание. Моя жизнь – тайга с серыми сопками и лиственницами, луна и бесконечный космос, в котором она невесомо плавает. Моя жизнь – это таёжная избушка, сеть на протоке и морозное дыхание весенней ночи. Я знал, что, бросив медицинские курсы, огорчу мать и наши отношения с ней испортятся навсегда, но я уже принял решение.

– Я тоже ухожу с курсов, – сообщил я Максусу.

Друг понимающе кивнул, дед Илья кашлянул.

А где-то там, за сопками, блестела светом фонарей Тын-да, и до неё было ещё далеко. Там ложились спать люди. У них были наборы мягкой мебели, телевизоры, деньги на сберкнижке и шторы на окнах. У нас была бескрайняя тайга, блестящие льдинки звёзд над головой, озеро и ондатра, плывущая в лунной дорожке.

Глава VIII

Хозяин Медвежьего озера²⁹

Избушки не всегда разбросаны по тайге равномерно. Бывает, что на сотни километров простирается дикая тайга без признаков человеческого присутствия. А бывает, что несколько зимовий, особенно рыбацких, лепятся одно к одному на расстоянии звука ружейного выстрела. Дед Илья не сказал нам, что в километре от острова Тополиного – на другом берегу протоки – есть ещё одно зимовьё, в котором почти безвылазно живёт странноватый, замкнутый и нелюдимый таёжный отшельник. О нём мы узнали сами. Случайно...

В июне Макс заканчивал восьмой класс и сдавал выпускные экзамены, поэтому вырваться в тайгу не удавалось. Но в конце месяца, когда друг получил аттестат и со школой было покончено, мы тронулись на остров Тополиный. Для рыбака счастье отправиться на реку с ночёвкой или на несколько ночёвок подряд. Но наше счастье было ещё больше. Поскольку нас ничего не держало в городе, мы подготовили лодку и сети, подаренные дедом Ильёй, запаслись продуктами и вознамерились переселиться на остров Тополиный на всё лето с редкими визитами в город для пополнения запа-

²⁹ Медвежье озеро существует в реальности, но носит иное название.

сов. До озёр мы добрались на попутках, а дальше забрасываться пришлось пешком. Тропа до Тополиного долгая, поэтому вещи, снаряжение и продукты носили в два захода. На заброску ушёл целый день.

Продукты у нас не отличались разнообразием. Имелось три буханки чёрного хлеба на первое время, пять килограммов муки, десять килограммов крупы и макарон, много соли, сахара и чая. Основной же пищей должна была стать пойманная нами рыба.

Только на зимовье выяснилось, что с чаем у нас большие проблемы.

– Серёга, а ты какой чай покупал? – спросил Макс, выкладывая маленькие квадратные пачки из моего рюкзака и удивлённо и презрительно разглядывая их.

– Самый дешёвый, – ответил я. – Денег мало было, я экономил.

– Я же тебе говорил брать чёрный листовый грузинский, – иронически улыбаясь, напомнил Макс.

– А я и взял листовый грузинский, – как ни в чём не бывало ответил я, не чувствуя подвоха.

– Да, но ты забыл слово «чёрный»! А это очень важное слово на этикетках с чаем.

– Так это и есть чёрный, – беспечно ответил я, – наверное...

– Это зелёный чай, Серёга! В погоне за дешевизной ты купил двадцать пачек зелёного чая! – рассмеялся Макс.

– Ну, будем пить зелёный, какая разница, – отмахнулся я, не желая казаться растяпой.

Но разница между чёрным и зелёным чаем оказалась неизмеримой, как между пломбиром и обычным снегом, как между петушком на палочке и застывшей древесной смолой, как между арахисом в сахарной глазури и маленькими речными камушками: внешний вид и тактильные ощущения вроде бы одинаковые, но гастрономические качества и количество питательных калорий абсолютно разные. Мы заваривали в котелке по две-три пачки зелёного чая, но у полученной прозрачной субстанции не было ни вкуса, ни цвета, ни запаха. Вместо чая мы пили сладкую кипячёную воду с нежнейшим, едва уловимым букетом скошенного сена.

– Если высушить и заварить гиллойскую тину, то чай ароматнее и крепче был бы, – морщился Макс, отхлёбывая диетический напиток, изобретённый для худеющих женщин, верящих, что с его помощью можно сбросить несколько лишних килограммов и устроить наконец личную жизнь.

Помучившись, мы выкинули оставшиеся пачки в костёр. С тех пор я не люблю и не понимаю вкус и смысл зелёного чая.

Отсутствие чёрного чая – это единственное, что омрачало нашу отшельническую жизнь на острове Тополином.

Утро начиналось с того, что мы спускались от зимовья к протоке и плыли на лодке проверять сети. Дождей давно не было, река обмелела, и рыба лезла в сеть хорошо. В протоке

ловились шуки и крупные чебаки.

Ещё одна сеть – с самой крупной пятидесятипятимиллиметровой ячейёй – стояла на Гилюе, в бездонной тихой яме за перекатом. В первую ночь в эту сеть запутался таймешонок. А потом попадались крупные холодные пятнистые ленки – по одному или по два за ночь.

Щук и чебаков мы варили и жарили. А ленков и таймешонка ели малосольными, почти сырыми – так они были вкуснее. Хариуса почти не было. Он поднялся в верховья и расселился по мелким холодным горным ручьям.

Если сети забивало илом, мы снимали их, сушили, чистили от грязи и мусора и ставили на прежнее место. Днём заготавливали дрова для печки и костра, разбирая завал, который намыла река неподалёку от зимовья. Дни проходили спокойно и размеренно.

Однажды утром, набирая воду в котелок, я заметил на другой стороне протоки, выше по течению, человека. Он пробыл на берегу несколько минут и скрылся в лесной чаще.

– Просто рыбак, – отмахнулся Макс, когда я ему рассказал об этом.

Но на следующий день человек появился снова. До него было далеко, и нельзя было определить, чем он занимается. Мне показалось странным, что незнакомец возится всё время на одном месте, в самой безрыбной части протоки, да и то всего несколько минут.

Всё утро мысль о странном рыбаке не давала мне покоя, и

после обеда я предложил Максиму отправиться в это загадочное место на лодке.

Приплыв, мы не увидели ни сетей, ни закидушек, зато обнаружили тропу, уходящую в лесную чащу.

– Тут часто кто-то ходит, – сказал Макс, – тропа набитая.

Было интересно выяснить, кто приходит к реке. Оставив лодку на берегу, мы двинули по тропе. Натоптанная дорожка вскоре вынырнула из густых пойменных зарослей тальника и побежала, петляя чёрной лентой, по широкой пустоглядной мари с редким угнетённым лиственничником. Мы шли, а тропа всё не кончалась. Макс предложил возвращаться, как вдруг впереди замаячила синяя гладь озера.

Берега открывшегося перед нами водоёма были топкие, заросшие редкой травой. Но в том месте, куда вывела нас тропа, находился сухой взгорок, на котором росли высокие, несвойственные для этих сырых мест сосны со светлой, медового цвета корой. В этот сосновый пейзаж органично вписывалась большая, крепкая избушка из толстых неошкуренных стволов лиственниц. Перед избушкой стоял вкопанный в землю стол с лавочками, неподалёку валялись цинковые и пластмассовые вёдра, а также пустые винные и водочные бутылки. В дверь по-индейски был воткнут топор.

– Ничего себе, – шёпотом произнёс Макс. – У нас под боком соседи живут, а мы и не знаем.

В избушке никого не было и царил хаос. На земляном полу и под нарами росли грибы-сыроежки с крупными крас-

ными шляпками. Повсюду были разбросаны вещи: спальные мешки, телогрейки, лохмотья одежды. На столе возвышалась гора грязной посуды с остатками позеленевшей еды, по которой ходили, потирая лапки, сытые, довольные жизнью мухи. Пахло перегаром, плесенью и кислой сыростью. Надо всем этим хаосом вилась и жужжала мошкара. Избушка казалась нежилой, заброшенной, как будто люди в спешке покинули её несколько дней назад.

– Странно, – сказал Макс, оглядывая беспорядок и не решаясь переступить порог, – тут давно никого не было, но ты ведь видел рыбака вчера и сегодня утром.

Не успел он договорить, как за избушкой послышался слабый стон. Мы бросились туда и увидели человека, лежащего на спине без сознания, с безвольно раскинутыми в стороны тонкими плетями рук и ног. Человек слабо шевелился и стонал. Он был невысокого роста, со свалывшейся светло-рыжей копной волос на голове, которые напоминали болотную кочку с пожухлой травой. Лицо обросло неопрятной щетиной. На незнакомце были до колен подвёрнутые болотные сапоги, зелёные брюки и грязная растянутая майка. Открытые участки тела искусаи комары, и кожа покрылась коростами.

Человек застонал громче, а потом вдруг стал неестественно извиваться и биться головой о землю. Лицо его побледнело, на нём проступили крупные синие пятна, сомкнутые губы окрасились в фиолетовый цвет, из-под них пошла пена. Макс подскочил к незнакомцу и, повернув его на бок, начал

трясти, пытаясь привести в чувство и не давая ему захлебнуться пеной.

– Он пьян! – испуганно крикнул Макс. – От него водкой несёт! Это приступ, нужно спасать!

Макс передал мне несчастного, сбегал к зимовью и вернулся с вёдрами и алюминиевой ложкой, которую протянул мне:

– Разожми ему зубы и не давай биться головой, а то расшибётся! И смотри, чтоб он не повернулся на спину, иначе захлебнётся! Я за водой! Я мигом!

– Ага! Хорошо! – суетливо ответил я.

И Макс побежал к озеру.

Мне было трудно удерживать взрослого человека, бьющегося в припадке. Я с трудом справлялся с ним, пытаясь ложкой разжать ему зубы. Зубы у него были чёрные, источенные, напоминающие пеньки на старом таёжном горельнике. Они шатались и держались ненадёжно. Разжимая его челюсти, я случайно сломал ложкой один передний зуб, и он выпал. Но зато появившаяся брешь позволила мне глубоко просунуть столовый прибор в рот несчастного и, провернув его, разжать челюсти. Рот раскрылся, из черноты утробы обильно полезла пена. Вскоре вернулся Макс с двумя вёдрами воды и одно за другим вылил на незнакомца. Пена перестала идти. Прекратились судороги. Человек открыл глаза. Посмотрел на нас пластмассовыми глазами куклы, а потом часто заморгал и забормотал что-то невнятное. К лицу стала возвра-

щаться кровь, синюшные пятна пропали, и оно заметно порозовело. Незнакомец закашлялся, хотел встать, но не смог. Он лежал на земле, но уже дышал ровно и понемногу приходил в себя. Через пятнадцать минут он уже смог подняться и дойти до зимовья.

Пока хозяин зимовья отходил от приступа, мы навели порядок. Пропололи избушку от колонии сыроежек, собрали пустые бутылки, вытащили топор из двери, помыли посуду в озере, развесили на вбитых в стены гвоздях одежду.

Нашего нового знакомого звали Санька Мохов. Ему было сорок лет, но выглядел он на полтора десятка лет старше. Сначала мы называли его дядей Сашей, но он категорично потребовал, чтобы мы обращались к нему только как к Саньке. Так его все звали.

Санька всю жизнь провёл в тайге. Сначала был рабочим в геологоразведочной партии, потом штатным охотником в промхозе, но несколько лет назад развёлся с женой, запил, бросил работу и переселился в избушку на озере Медвежьем.

Весной Санька стрелял уток и гусей. Летом ловил рыбу. В Медвежьем озере, как мы узнали, водились огромные, самые большие в округе караси, которых Санька добывал не только сетями, но и огромными вентелями. Он делал их из колец толстой проволоки, которые обтягивал сеткой из-под овощей. Вход для рыбы был с обеих сторон. Вентеля имели «крылья» – прямоугольные сетчатые стенки по два метра длиной, которые под углом расходились от входа. На озёрном дне карась натыкался на такое «крыло» и, плывя вдоль него, попадал прямо в маленькое отверстие входа, из которого уже не мог выбраться.

Но главным занятием Саньки Мохова был сбор ягоды. В конце июня поспевала жимолость. Санька собирал её и возил в город. Жимолость – самая дорогая ягода, и в хороший сезон с неё можно получить неплохой навар. В июле и августе на смену жимолости приходила голубика, а в сентябре – брусника.

Продав ягоду, Санька покупал немного продуктов, а основные же деньги тратил на водку и вино. В урожайные на дикоросы годы Мохов мог пить беспробудно несколько дней кряду. Что и произошло сейчас. Неделю назад вернулся из города с полным рюкзаком водки, купленной на деньги от проданной жимолости, и запил.

Мы рассказали Саньке о себе, о том, что живём на Тополином острове в зимовье деда Ильи, которое он нам подарил. Санька хорошо знал деда Илью и отзывался о нём с боязливой уважительностью.

– А что ты на берегу протоки делал вчера и сегодня утром? – поинтересовался у Саньки Макс. – Серёга тебя видел.

– За водой ходил, слыс какое дело, – ответил тот с нар слабым больным голосом, сильно шепелявя. – Доздей-то давно не было, родник мой высох. Вот я канистру-то брал и бегал на протоку. А в озере вода плохая, светёт вода, пить незя. Только так, слыс, посуду помыть, там, руки.

– Ну, посуду-то ты не слишком мыл, – ухмыльнулся Макс.

– Так запил я, – тихо простонал Санька, он был ещё очень

слаб. – Если б не вы, то я б уже окочурился. И никто б меня не искал. Присли б музыкí осенью уток стрелять, а Саньки Мохова нет. Сдулся Санька.

Мы провели в Санькиной избушке весь день, присматривая за больным. К вечеру он оклемался настолько, что вспомнил про сети, которые давно стоят на озере непроверенными, и забеспокоился:

– Надо сетки вытряхнуть, подохнет карась.

Макс готовил суп и поэтому остался в зимовье, а мы с Санькой поплыли проверять его сети и вентеля. Выпутав из снастей рыбу, которая, к счастью, была живой, мы переложили её в плетёный садок и пошли к зимовью. Вдруг Санька остановился, свернул с тропы, зовя меня за собой:

– Иди сюда, Серый, показу тебе кое-чо.

В молодой поросли сосен лежало на земле толстое поваленное дерево, заросшее плотным зелёным мхом. Санька отодвинул в одном месте большой пласт мха, сунул руку в открывшееся дупло и вынул из него болотный сапог. В сапоге, в промасленной тряпке, лежало разобранное двуствольное ружьё.

– Вот чо у меня есть, – гордо произнёс Санька, – Вы мне сёдня зызнъ спасли, осенью приходите уток стрелять.

Санька собрал ружьё и дал мне его подержать.

– Ружьё «Белка», низний ствол дробовой, верхний малопулька. Я с малопульки глухарей бью, а с низнего – уток.

– А почему ты его прячешь, а не в зимовье держишь? –

поинтересовался я, с трепетным и уважительным любопытством разглядывая оружие.

– Так она з незаконка, слыс какое дело, потому и прячу, – усмехнулся Санька.

Положив ружьё на место и тщательно замаскировав его, мы пошли к зимовью. Суп из вермишели с картошкой и тушёной был уже готов и остывал на уличном столе. Санька есть не стал, он был ещё очень слаб. Мы же с Максом с аппетитом поели суп, а потом с величайшим наслаждением пили крепкий душистый настоящий индийский чёрный чай, по которому очень соскучились. Санька, узнав, что у нас нет заварки, выделил из своих запасов две пачки. Ещё он нам дал нескольких самых крупных карасей из сегодняшнего улова. Мы сначала отказывались, но потом согласились, чтобы не обижать нашего нового друга.

Поздно вечером мы вернулись на свой остров.

Глава IX

Большая вода Гилюя

Через несколько дней начались дожди. Вода в Гилюе прибывала. На яме за перекатом образовалось течение, и мы сняли сеть. Но в протоке рыба ещё ловилась.

В то утро нашим трофеем стал большой сом. Ячея-сорочковка была мелкой для того, чтобы поймать его, как щуку или чебака, за жабры. Он зацепился другим способом – плывя по дну, задел нашу сеть толстым костлявым шершавым плавником возле жабр и, пытаясь освободиться, намотал её на себя. Сом изорвал нашу старую, непрочную снасть, но выпутаться не успел. Рыбина была длиной в половину нашей лодки, а её голова была крупнее моей. Нам стоило больших трудов доставить сома до берега. Он бился так, что лодка чуть не перевернулась. Это была самая большая рыба, которую нам удалось поймать на Гилюе.

Днём дождь усилился, и уровень воды стал подниматься ещё быстрее. А вечером река начала выходить из берегов. Тихая протока превратилась в полноводную реку с сильным течением, и нам пришлось снять сеть и на ней.

– Завтра с утра рванём домой, – сказал Макс за ужином. – Вода прибывает, рыбалки нет. И продукты кончаются. Побудем в городе, пока вода не упадёт, продуктами запасёмся

и вернёмся.

Я согласился с другом, потому что сам уже подумывал о возвращении домой. Под мощную барабанную дробь ливня по рубероиду крыши мы уснули.

Утром меня разбудили крики:

– Серёга, подъём! Потоп!

Дверь в избушке была открыта, и я увидел, что повсюду была вода. Гилюй поднялся за ночь на несколько метров. Видимо, в верховьях – в гольцах Станового³⁰ бушевали сильнейшие ливни. Над тайгой плыли грязно-серые зловеще-косматые тучи, из которых лил дождь.

– Лодка! – испуганно вскрикнул я, спрыгивая с нар и натягивая болотные сапоги. – Мы вчера оставили лодку на берегу! Если вода дошла до поляны, значит, весь остальной остров уже под водой.

– Надеюсь, ты её привязал, – вымолвил Макс, спешно одеваясь.

Я вспомнил, что отвлёкся вчера, вынимая тяжёлого сома из лодки, и забыл её привязать. Перед глазами с фотографической точностью всплыл каждый изгиб швартовочного шнура, на который я посмотрел мельком и даже подыскал глазами подходящий куст, к которому можно было его привязать. Но сом так сопротивлялся, так отчаянно извивался, когда я засовывал его в мешок, что занял всё моё внимание. А потом, взвалив добычу на плечо, я просто ушёл вслед за

³⁰ Гольцы Станового – безлесные голые вершины Станового хребта.

Максом.

– Привязал, – успокоил я друга, надеясь, что лодку не унесло.

Мы вышли из зимовья под проливной дождь. Вода на поляне была по щиколотку, а ближе к берегу стала подбираться всё выше и выше к краю болотников. В какой-то момент вода залилась в сапоги, ноги неприятно обдало мокрым холодом, но через несколько минут, когда тело прогрело воду, снова стало тепло. Мы были в брезентовых энцефалитках³¹ и сразу промокли насквозь, поэтому на воду в сапогах не обращали особого внимания.

К берегу протоки мы вышли по пояс в воде. Лодки нигде не было.

– Макс, – сказал я, – лодку унесло, я не привязал её.

Друг ничего не ответил. Вздохнул тяжело и хмуро уставился на протоку, которая была сейчас шире и полноводнее, чем главное русло реки в спокойную воду. Тёмно-бурая вода бешено несла мимо нас свои воды, вспучивалась, пенилась, крутилась водоворотами. По реке плыл смытый с берегов мусор: прошлогодние листья, хвоя, ветки и вырванные с корнями деревья. Но самое страшное было в том, что ливень не прекращался и вода продолжала прибывать.

– Надо плыть на тот берег, – сказал Макс после долгого молчания.

– Может, в зимовье отсидимся, – неуверенно предложил

³¹ Энцефалитка – противэнцефалитный защитный костюм.

я.

– Плохая идея, – возразил друг. – Вода прибывает, и зимовьё может затопить, несмотря на опоры. Да и без еды долго не протянем. Неизвестно, сколько продлится это наводнение.

Мы выросли в Тынде и помнили годы, когда дожди шли всё лето. Поэтому самым верным решением было как можно скорее покинуть остров.

– Придётся добираться до противоположного берега вплавь, – спокойно и уверенно сказал Макс.

– Вплавь?! – ужаснулся я. – Тут до берега метров двести, а плавать я не умею, ты же знаешь!

Мне стало страшно, что Макс сейчас решительно и смело сиганёт в реку и уплывёт, а я, как неудачливый Робинзон, останусь на острове один.

– Да я и сам не смогу до того берега добраться, – грустно произнёс Макс. – Унесёт течением, не выплыву.

Мы, расталкивая перед собой толщи холодной воды, побрели к зимовью. Вода дошла уже до середины опор, на которых стояло наше жилище. Мы стали собирать самые необходимые вещи и укладывать их в рюкзаки. Таких вещей оказалось немного. Я, несмотря на возражения друга, прихватил к тому же с собой сома. Вытащил его из мешка, который плавал возле зимовья, и посадил на верёвочный кукан. Сом был вялый, но ещё живой и, словно собачонка, тащился за мной на привязи по воде. Мы сняли с наружной стены из-

бушки моток проволоки, взяли топор и снова вернулись к берегу, но уже не к тому месту, где только что искали лодку, а чуть выше по течению, где был большой завал из брёвен. С помощью топора и проволоки мы решили сделать плот и переплыть протоку.

Но выяснилось, что брёвна в завале на плот не годятся, они были с корневищами, которые невозможно было быстро отсоединить, так как пролежавшая в воде лиственница стала каменной и рубить её было трудно. К тому же брёвна были тяжёлые и имели плохую плавучесть. А вода между тем прибывала и доходила нам уже выше пояса.

Выискивая в завале подходящее дерево, я вдруг наткнулся взглядом на инородный предмет, несвойственный природе: грязно-жёлтый, большой и плоский, который болтался вдалеке на воде среди кустов. Я бросил работу и пошёл в его сторону. Оказалось, в кустах застрял принесённый рекой большой кусок плотного жёлтого пенопласта. Это был единственный раз, когда я искренне поблагодарил человечество за безобразную привычку захламлять природу строительным мусором.

– Ничего себе! – воскликнул Макс, когда я вернулся к завалу с пенопластом. – Вот то, что нам нужно!

– Это моя компенсация за утраченную лодку, – радостно и гордо ответил я.

Работа у нас закипела дружно и с новой силой. Мы отыскали в завале несколько сухих хлыстов, разрубили их топо-

ром, связали крест-накрест в виде решётки и сверху этой решётки прикрепили проволокой пенопласт. Конструкция получилась уродливо-неказистой и вряд ли бы когда-нибудь попала на обложки журналов «Юный техник» или «Судо-строение», но это был единственный доступный нам предмет, который хоть как-то держался на плаву.

Выйдя из кустов к открытой воде, мы попытались вскарабкаться на плот, но он уходил из-под наших ног. Плот не выдерживал двух пассажиров. Можно было повесить плаву-честь, добавив дополнительные брёвна, но у нас больше не было проволоки, чтобы скрепить их.

Положение было отчаянным. Весь труд шёл насмарку. Мы стояли по грудь в холодной мутной реке, ливень всё шёл и шёл, но мы так привыкли, что уже не замечали его.

– Плыви один, – предложил я. – Ты всё равно лучше меня на воде держишься. А там что-нибудь придумаем. Если поплыву я, то в случае переворота плота могу утонуть, тогда и ты тоже тут пропадёшь.

Макс молчал, лихорадочно соображая, как поступить, а потом сказал:

– Значит, так, я сейчас переправлюсь на тот берег – и бегом к Саньке Мохову, возьму у него лодку и вернусь за тобой!

Плыть на хлипком плоту через широкую полноводную протоку, с бешено летящими мимо водоворотами, было опасно. Макс долго собирался с духом и вдруг громко запел:

Что будут стоить тысячи слов,
Когда важна будет крепость руки?
И вот ты стоишь на берегу
И думаешь – плыть или не плыть?³²

Затем, вскарабкавшись на плот, балансируя и удерживая равновесие, он решительно оттолкнулся шестом. Река подхватила и понесла его вниз по течению. Плот от тяжести подтопило, он скрылся под водой, и казалось, что Макс стоит на воде, словно библейский пророк. Плот удалялся, и ветер доносил до меня обрывки песни, которая становилась всё тише и всё неразборчивее. У Макса была привычка: в трудных ситуациях он укреплял силу духа песнями Цоя.

Макс был уже на середине, когда я увидел, что к нему стремительно приближается огромная крутящаяся вокруг своей оси старая лиственница, влекомая разбушевавшимся потоком. Друг стоял на плоту спиной к ней и не видел опасности.

– Макс, уходи вправо! Сзади лесина! – закричал я.

Но мои слова разорвал и разметал по реке ветер, смешав с ливнем и шумом бурлящей воды.

Когда Макс обернулся, дерево уже было близко, оно к тому времени выкрутилось поперёк реки и несло прямо на него, грозя смести плот. Друг пытался уйти, отчаянно рабо-

³² Слова из песни «Мама, мы все сошли с ума» («Мама, мы все тяжело больны») Виктора Цоя и группы «Кино».

тая шестом, но в том месте шест уже не доставал до дна. Дерево приближалось. Катастрофа была неизбежной. Но в нескольких метрах от плота лесину снова резко развернуло вдоль течения. Дерево пронеслось мимо, но ветки всё же вскользь задели плот. Посудина накренилась, Макс потерял равновесие, выронил шест и упал в реку. Плот начало относить, но, вынырнув из воды, друг доплыл до него и кое-как вскарабкался на шершавую поверхность пенопласта.

Плот с пассажиром уносило всё дальше, но струя понемногу прибывала его к противоположному берегу. Макс уже превратился в маленькую чёрную точку, готовую скрыться вдали за поворотом, когда я увидел, что он достиг берега, выбрался на него и исчез за стеной кустарника.

Я остался совсем один среди бушующей стихии. Спереди была протока, позади – торчащие из воды ветки кустов. Я стоял по грудь в холодной воде. Спину немного грел полупустой рюкзак, на привязи изредка шевелился сом, к которому понемногу начинали возвращаться силы.

Я только сейчас осознал всю трагичность своей ситуации. Саньки Мохова могло не оказаться в зимовье. Вдруг он в городе продаёт ягоду? А лодка где-нибудь спрятана. Макс не найдёт её и не сможет вернуться за мной. Река поднимется ещё выше, течение оторвёт меня от дна и потащит сначала по верхушкам затопленных кустов, а потом вынесет на стремнину, я захлебнусь, буду долго плыть обездвиженной биомассой, качаясь на волнах, пока водоворот на очередной

излучине не закрутит меня под залом. Грустные мысли лезли в мою голову, но животного страха не было. Вместо него была досада и обида, словно я проиграл в карты или купил лотерейный билет, оказавшийся невыигрышным. Неприятно было понимать, что мне не повезло, да ещё так фатально, без права отыгаться.

Я потерял счёт времени. И это не просто обычная в таких случаях фраза. Я действительно не мог представить себе время, оно не вписывалось в эти мокрые, грозно нависшие надо мной тучи, в этот непрекращающийся ливень и реку, несущуюся мимо. Время казалось в этой стихии нелепым и неуместным. Я думал, что это последние мгновения моей жизни, а значит, эти мгновения будут теперь для меня вечными, потому что после этого ливня не будет для меня уже ничего.

Почему я не ушёл назад в зимовьё? Во-первых, я стоял на берегу затопленного острова, а берег не всегда спускается к реке под равномерным уклоном. Там, где я находился, была возвышенность, в ста метрах за моей спиной берег тоже был высоким и там росли лиственницы, но эти сто метров между мной и лиственницами утопали в низине. Между мной и лиственницами была уже глубина выше моего роста. Во-вторых, несмотря на всякие «но» и «если», я верил, что Макс вернётся за мной, поэтому оставался там, где мы расстались.

Ещё я помню, что, стоя по грудь в воде под проливным дождём, не просто «мокрый до нитки», как обычно пишут

в таких случаях, а насквозь пропитавшийся водой, растворившийся в реке и ливне, я не чувствовал холода и дискомфорта. Наверное, меня согревало состояние шока, при котором включаются первобытные инстинкты человеческого организма.

Вода прибывала, я всё так же с философской обречённостью размышлял о своей участи, как вдруг на том берегу, выше по течению, показались два размытых человеческих силуэта с надувной лодкой в руках. Они повозились немного (видимо, вставляя вёсла в уключины), сели и поплыли в мою сторону. Это были мои друзья Макс и Санька Мохов.

Через несколько минут я уже перекинул в лодку сома, после чего влез в неё сам. На обратном пути мы шутили и смеялись, вспоминая сегодняшний день. Беда была позади и казалась нам уже весёлым приключением.

– Слыс какое дело, сам чуть не утонул, а сома не бросил! – посмеивался Санька Мохов. – Видать, староверы в роду были. Такой, слыс, приzymистый народ – чuzого не возьмут, но и своего не отдадут.

С каким же удовольствием я шагал к Санькиному зимовью по хлюпающей тропинке через марь! Тропа, в которой ноги увязали по колено, которая изобиловала большими, до краёв наполненными бочажками, казалась мне гладким асфальтированным тротуаром. Тайга вокруг была мокрой и взъерошенной, с лиственниц лилась за шиворот вода ручьём, но я восхищался и наслаждался ею, потому, что у этой

тайги было одно неоспоримое преимущество перед островом Тополиным – она не была залита рекой.

Глава X

Беседы во время грозы

Ночью ливень усилился, и началась гроза. Но в зимовье гудела печка, потрескивали дрова, выбрасывая редкие искорки на жестяной лист перед поддувалом. Над печкой сушились в клубах пара наши вещи. Мы поели на ужин жареных карасей и сыто икали, развалившись на широких нарах. От засаленных бревенчатых стен веяло теплом и надёжностью. Не страшна была никакая стихия, даже если она затопит и поглотит весь мир и только наша избушка останется в одиночестве среди чёрной Вселенной.

Я прокручивал в голове сегодняшний день, перематывая его мысленно туда-сюда, словно кассету в видеомагнитофоне, и думал о том, что не всегда тайга бывает приветливой, ласковой и щедрой. Нельзя сказать, что тайга обошлась с нами сегодня жестоко. Она была всего лишь холодной, равнодушной и беспристрастной. Она не виновата в том, что я забыл привязать лодку.

– Если бы не пенопласт, не грелись бы мы сейчас возле печки, – сказал Макс.

Я понял, что он думал о том же.

– Ага, – подтвердил я, – зимовье деда Ильи уже под водой, наверное.

– Я мог сегодня до берега не доплыть из-за лиственницы, которая плот задела. Тогда бы нам обоим хана.

– И меня бы унесла река. – ответил я. – А потом бы прошёл слух, что двое подростков пропали при загадочных обстоятельствах.

– В тайге всяко бывает, слыс какое дело, – вступил в разговор Санька Мохов. – Мы с соседом Вовкой Потапенко в прослом годе три дня гудели. Утром он надел горбовик³³, бутерброды взял, четуску³⁴... Я, говорит, за брусникой. И всё.

Над зимовьём гулко треснул гром. Бах-бах! Ба-ах! Пламя свечи на столике испуганно заметалось...

Мы ждали продолжения рассказа, но Санька молчал. Он поднялся с нар, зевнул, хрустнув скулами, прикурил сигарету и подсел к печке.

– А дальше-то что было? – недоуменно спросил Макс.

– Когда было? – не понял Санька.

– Ну, когда этот Вовка Потапенко взял горбовик и ушёл. Ты же историю хотел рассказать.

– А я и рассказал, это вся история, – ответил Санька, невозмутимо стряхивая пепел на жестянку. – Усол – и всё. По сих пор не вернулся, скоро год будет. Искали его до самой зимы, пока снег не выпал.

³³ Горбовик – заплечный берестяной, фанерный или жестяной короб для сбора ягод, грибов, кедровых шишек.

³⁴ Четúшка, чекúшка – русская единица измерения объёма жидкости, равная 246 мл.

– Интересно, что могло с ним случиться? – поинтересовался я.

– Да многое чего, – ответил Мохов, – медведь заломал, или сердце прихватило, гудели-то с ним три дня до этого.

Санька досмолил сигарету, бросил окурочок в поддувало и продолжил:

– Была у нас одна старуха. Всё по грибы ходила. И, слыс какое дело, как ни пойдёт, обязательно заблукает. Посла она в первый год и пропала. Искали-искали, еле насли. Пролетел год, она снова в тайгу намылилась. Ей грят: сиди дома, опять несчастье будет. А она не слушает. Снова пропала. Искали её три недели. Насли худую-худую. Кое-как в больнице вылечили. Ей бы успокоиться, а она купила собаку мелкую, порода такая, словно чихает кто...

– Чихуахуа, – подсказал Макс.

– Ага, блин, она и есь! Придумают зе! И на третий год снова в тайгу по грибы. Её просят: «Тётъ Катъ, не ходи, устали искать тебя». А она улыбается, грит: «Я узе не пропаду, у меня собака породистая, с бумагами. Собака к дому выведет». Ну а против бумаги не попрёс. Так ведь? Бумага – дело серьёзное. Ты вот дазе человека возьми, с бумагою-то...

Санька, потеряв нить повествования, замолчал.

В этот момент за окном снова сверкнула молния, озарив причудливо-кривые узоры мокрых деревьев за маленьким окошком. И вслед за этим запоздало сотряс избушку долгий раскатистый взрыв грома. Бах! Бах-бах-бабах! Погромыхал

с переливами, пугая дичь, забившуюся в норы, и полетел, покатился по тайге, затухая.

– И что, перестала она теряться? – спросил Макс, когда затих гром.

– Кто? – недоуменно переспросил Санька.

– Женщина эта, тётъ Катя.

– Куда там! – махнул рукой Мохов. – Забрала её тайга с третьей попытки. В этот раз её не насли. Совсем пропала.

– Вот и бери после этого собак с документами, – грустно произнёс я.

– А собака-то тут при чём? – удивился и даже немного обиделся Санька. – Собака вернулась. Не сразу, слыс какое дело, неделки через три, но присла. Умнее своей хозяйки оказалась, несмотря, что порода некудысная.

От этих историй спать расхотелось. Мы поставили чайник на печку, и разговор зашёл о четырёх рыбаках, отправившихся прошлой осенью на реку Сутам за тайменем. Уехали рыбаки далеко за водораздел с Якутией на «Ниве» по старому геологическому зимнику и по неопытности утопили машину при переправе через быструю горную речку. Пришлось пешком возвращаться назад. Продукты вместе с машиной унесла река. Были ружья, но северная тайга в гольцах Станового скудна на дичь. Встретится иногда след сокжоя³⁵ или медведя, но попробуй добудь зверя без сноровки и охотничьего опыта. Шли они голодные, нервные, злые. Зима была

³⁵ Сокжбй – дикий северный олень (эвенк.).

ранняя, и уже в октябре тайгу завалило метровым снегом и заморозило стужей. Иногда скитальцы натыкались на пустующие охотничьи избышки, подъедали скудные запасы, найденные в них, брали тёплые вещи и отправлялись дальше. Самый пожилой вскоре ослаб, высох, растерял силы и на одной из стоянок умер. Оставшиеся в живых, вместо того чтобы похоронить друга, набросились на труп, обезумев от голода, словно подлые росомахи, и неделю питались им. Мертвечина помогла выжить. Но не все из них смогли простить себе этот поступок и жить с ним дальше. Один вскоре сошёл с ума. Когда до города оставалось несколько дневных переходов, отстал и тихо ушёл обратно на Сутам, в заснеженные дали, без ружья, без спичек и без еды. Навсегда пропал. Лишь два самых сильных и живучих, как дикие звери, компаньона через пару месяцев скитаний вышли к людям – чёрные, истощённые, обмороженные и озлобленно-угрюмые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.